

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

3 (29) 2017
ISSN 2411-8753

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ» сериясы

Алматы, 2017

© «Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті» Акционерлік қоғамының «Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия» ғылыми журналының «Халықаралық қатынастар және аймақтану» сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Тіркелу куәлігі 10.04.2015 жылғы № 15196-Ж

Бас редактор

Құнанбаева С.С., филология ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР ҰҒА академигі, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Раев Д.С., филос.ғ.д., профессор, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Редакция алқасы мүшелері

Байсұлтанова К.Ш., саяси ғ.к., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Бүлекбаев С.Б., филос.ғ.д., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Галиев А.А., т.ғ.д., профессор, профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Джолдасбаева Т.К., э.ғ.к., доцент, профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Мукан С., PhD, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Гавр Университеті, Франция / Le
Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Вайкато Университеті, Жаңа
Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-ті, Прага, Чех Республикасы,
Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен S. (McClennen S.), PhD, Пенсильвания Университеті,
Филадельфия, АҚШ / University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

Сын-пікір берушілер:

Шаймарданова З.Д., т.ғ.д., доцент, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Калиева А.А., э.ғ.к., Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы,
Қазақстан

© Научный журнал «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» Акционерного общества «КазУМОиМЯ имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15196-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С., ректор КазУМОиМЯ им. Абылай хана, доктор филологических наук, академик НАН РК, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Раев Д.С., д.филол.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Байсултанова К.Ш., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Булекбаев С.Б., д.филол.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Галиев А.А., д.и.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Джолдасбаева Т.К., к.э.н., доцент, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Мукан С., PhD, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Университет Гавра, Франция / Le Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Университет Вайкато, Новая Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-т, Прага, Чешская Республика, Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен S. (McClennen S.), PhD, Пенсильванский Университет, Филадельфия, США / University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

Ответственные за выпуск:

Шаймарданова З.Д., д.и.н., доцент, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Калиева А.А., к.соц.н., КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

© Scientific journal «Bulletin» of Ablai khan KazUIR&WL. Series «International Relations and Regional Studies» of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Certificate N 15196 – G, 10.04.2015.

Editor in chief

Kunanbayeva S.S., *Doctor of Philology, Professor, Academician of NAS of the RK, Almaty, Kazakhstan*

Executive Editor

Rayev D.S., *d. of philos.sc., prof., Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Editorial team members

Baysultanova K.Sh., *cand. of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Bulekbaev S.B., *d. of philos.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Galiev A.A., *d. of hist. sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Dzholdasbaeva T.K., *cand. of econ.sc., associate professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Mukan S., *PhD, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Chabal P., *PhD, Le Havre University, France*

Horak S., *PhD, Charles University, Prague, Czech Republic*

McClennen S., *PhD, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA*

Reviewers:

Shaymardanova Z.D., *d. of hist. sc., associate professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Kaliyeva A.A., *cand. of soc.sc., Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

1 Бөлім ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР, АЙМАҚТАНУ

Раздел 1 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

1 Part INTERNATIONAL RELATIONS, REGIONAL STUDIES

Корендиясов Е.Н. Джураев Дж.К. Российско-Африканские отношения на новом этапе	7
Джураев Дж.К. Развитие китайско-индийских отношений в контексте роста конкуренции в центральной Азии	15
Халимзай М. Социокультурная интеграция в рамках политики мультикультурализма: основные теоретические подходы	22
Байгушкарлова А.Ж. Медиа образы различных стран в национальных СМИ сопоставление понятий образ и имидж	28
Bissembayev B. The Kazakhstan diaspora in Russia: the proportion of the population census of kazakh people in Russia	33
Galagan M. Transformation of political systems of the Middle East	38
Кубашев А.Е. Анализ освещения вопросов мировой политики, международных отношений в специальных изданиях	43
Raev D.S., Sagynay D. “Soft Power” as a tool of the Implementation of Public Diplomacy of Kazakhstan	48
Seitova A. European Union and Central Asia: horizons of cooperation - new challenges and new dimensions (development of an action plan)	55
Nurmukhambet B. Central Asia as an object of interest of NATO countries (analytical report)	62
Галиева А.Т. ООН и региональные конфликты: достоинства и просчеты	73
Zholamanova A.Zh. Cultural and civilization processes in modern Kazakhstan	79
Zhabina Zh.R., Abdrazakova L. The national youth policy of the Republic of Kazakhstan as an instrument of ideas of solidarity and tolerance among the youth	84

Жамилов А.М. Теоретическая основа исследования «цифровая дипломатия: теория и практика» 90

Tuebayeva N. Ways of access of the young generation of compatriots to the modern educational system of Kazakhstan 98

2 Бөлім ДҮНИЕЖҮЗІЛІК ЭКОНОМИКА, ФИЛОСОФИЯ, ҚҰҚЫҚ
Раздел 2 МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ФИЛОСОФИЯ, ПРАВО
2 Part GLOBAL ECONOMY, PHILOSOPHY, LAW

Ашилова М.С., Бегалинова К.К. Парадигмы современного высшего образования через призму философской методологии 103

1 БӨЛІМ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР, АЙМАҚТАНУ

РАЗДЕЛ 1
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

1 PART
INTERNATIONAL RELATIONS, REGIONAL STUDIES

**THE CONNECTION BETWEEN EDUCATION, SCIENCE AND PRODUCTION,
OR HOW TO MAKE GRADUATES IN HIGH DEMAND?
RUSSIAN-AFRICAN RELATIONS AT THE NEW STAGE**

Korendyasov E.N.¹

candidate of economic sciences,

¹Senior Researcher, Institute of African Studies, RAS, Moscow, Russia

Russia confidently overcomes the deep decline in relations with Africa, registered in the late 80's and 90's of the XX century. However, it would be premature to assert that the full-blooded "return" of Russia to the continent has already taken place. The reached borders of trade, economic and financial-credit cooperation remain more than modest.

Keywords: monopoly, partnership, industry, investment.

УДК 327.51

МРНТИ 23.60

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ

Корендясов Е.Н.¹

¹кандидат экономических наук,

старший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия

Россия достаточно уверенно преодолевает глубокий спад отношений с Африкой, зарегистрированный в конце 80-х и в 90-е годы XX столетия. Однако было бы преждевременным утверждать, что полнокровное «возвращение» России на континент уже состоялось. Достигнутые рубежи торгово-экономического и финансово-кредитного сотрудничества остаются более чем скромными.

Ключевые слова: монополия, партнерство, отрасль, инвестиция

Россия возвращается в Африку

Повышение роли и веса континента в мировой политике и экономике уже сегодня требует переосмысления российских подходов к проблемам расширения масштабов российско-африканского партнерства и формирования его долгосрочной концепции с опорой на имеющиеся политико-дипломатические и инвестиционно-финансовые ресурсы стран Африки.

Ускорение экономического роста Африки сопровождается

существенным увеличением производственно-инновационного потенциала экономики стран континента. Их совокупный ВВП к 2014 г. (по паритету покупательной способности) увеличился по сравнению с 2000 г. в три раза и достиг 4,5 трлн. Долл. Причем на долю природных ресурсов приходится 27-30% прироста. Другая важнейшая отличительная черта современной фазы роста – существенное повышение ВВП на душу населения. В 2014 г. этот показатель составил 4826 долл. (в 11-ти странах он превысил 10 тыс. долл., а в шести – 5 тыс. долл., для сравнения – в 1970-1990 гг. он топтался на уровне – 2180 долл.).

Ускорение экономического роста потребовало реализации программ развития базовой и дорожной инфраструктуры, внедрения новых технологий, включая цифровые. Если в 2012 г. их доля в увеличении ВВП составляла 1,1%, то к 2025 г. этот показатель должен составить 2,2%.

Изменения системного характера в положении Африканского континента на геополитическом и геоэкономическом пространстве связаны с динамично развивающимся сотрудничеством Юг-Юг и, в первую очередь, с восходящими странами. Товарооборот континента со странами БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) с 2002 по 2014 гг. увеличился более чем в 10 раз и достиг в 2014 г. 360 млрд. долл., что составляет 30%¹ континентального зарубежного товарооборота. Африка обрела новый емкий источник инвестиционных ресурсов. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая и Индии превысили 64 млрд. долл. И в 2020 г. превысят 100 млрд. ПИИ Турции превысили 6 млрд. долл. На восходящие страны приходится до 30% ежегодного притока ПИИ в страны континента. Пятивековая политико-экономическая монополия Запада основательно подорвана. Горизонты независимости африканских государств расширились, их международная субъективность возросла и упрочилась.

Страны «глубокого Юга» теснят позиции «глубокого Севера», предопределяя смещение центра мировой политики с Запада на Восток. Если в 1999 г. ВВП Запада превышал ВВП Востока в 8 раз, то к 2012 г. этот показатель снизился до 5-ти кратного. При сохранении таких темпов этот разрыв будет ликвидирован уже через 20 лет [1].

Тем не менее, не следует преувеличивать роль и значение обозначившихся новых тенденций на континенте. Единая и устойчивая траектория их эволюции, скорее всего, недостижима в обозримом будущем. Континент остается глубоко контрастным и противоречивым,

о чем свидетельствуют сохраняющаяся масштабность бедности, конфликтогенности, других угроз маргинализации.

Тем не менее, новые реалии требуют творческого переосмысления положения дел на континенте и его роли в мировых делах. Такое переосмысление – важный залог успешного партнерства с африканскими странами на двусторонней и многосторонней основах. Эта проблема приобретает новую остроту для России. Наиболее важным фактором в этом плане предстает стратегический поворот России в сторону Востока. Подстегнутый в последние годы обострением отношений со странами евроатлантического сообщества, он сопровождается нарастанием активности в развитии партнерского сотрудничества со странами Азии, Латинской Америки и Африки. Это наглядно подтверждается инициативностью России в рамках БРИКС – влиятельного объединения восходящих стран трех континентов. По отношению к Африке эта тенденция выразилась в том, что сегодня характеризуется как «возвращение России в Африку». Однако это возвращение все еще носит робкий характер, диктуется порой ситуационными соображениями.

Направления развития торгово-экономического партнерства остаются более чем скромными. Внешнеторговый оборот едва превышает 12 млрд. долл., из которых 70% приходится на страны Северной Африки (Таблица 1). В Африке к югу от Сахары только с ЮАР внешнеторговый (товарный) оборот достигает 1 млрд. долл. Даже с такой крупной страной, как Нигерия, товарооборот в 2014 г. составил всего 368 млн. долл.

Таблица 1 - Внешняя торговля России со странами Африки
(в текущих ценах, в млн. долл.)

	2000	2005	2013	2014
Объем товарооборота со всеми странами. В том числе:	1584	3300	9676	12216
Экспорт	1208	2300	7123	9402
Импорт	376,0	1000	2553	2313
Объем товарооборота со странами АюС				3200
Доля России: в общеафриканском экспорте	0,20	0,24	0,30 (2012 г.)	0,30
Доля России в общеафриканском импорте	1,21	1,55	1,45 (2012 г.)	1,45

Источник: Федеральная таможенная служба России. Фитуни Л. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности [2].

Товарная структура характеризуется доминированием пищевых

товаров, нефтепродуктов, минеральных удобрений (до 70%); готовые изделия составляют 18%, а машины и транспортное оборудование – 6%. В российском экспорте в Африку машинотехническая продукция представлена в основном вооружением и военной техникой.

Известную активность в Африке демонстрируют российские частные и частно-государственные компании. Российские активы на континенте составляют по различным оценкам 8-10 млрд. долл., а заявленные на ближайшие 5-10 лет объемы инвестиций достигают 13 млрд. долл. (см. Таблицу 2). Их львиная доля направляется в разведку и освоение месторождений углеводородных и твердых минеральных ресурсов.

Таблица 2 - Активы некоторых крупных российских компаний в африканских странах

Компания-инвестор	Страна	Отрасль	Реализованный объем инвестиций	Заявленный объем инвестиций на ближайшие годы
1	2	3	4	5
Алроса	Ангола	Добыча алмазов, гидроэнергетика	700-800 млн. долл.	Нет данных
Газпром	Алжир, Нигерия, Ливия, Намибия	Разведка и освоение газовых и нефтяных месторождений, сооружение газопроводов и др. транспортной инфраструктуры	300-500 млн. долл. (оценка)	3,5-4,0 млрд. долл.
Евразия	ЮАР	Добыча ванадия, сталелитейное производство	1,1 млрд. долл.	Нет данных
Лукойл	Гана, Кот-д'Ивуар, Камерун, Сьерра-Леоне, Египет, Нигерия	Разведка и освоение нефтяных месторождений	1 млрд. долл.	2 – 2,5 млрд. долл. (оценка)
Ренова	ЮАР, Габон, Мозамбик	Добыча марганцевой руды, производство ферросплавов, разведка урана, золота	1 млрд. долл.	Нет данных

Продолжение Таблицы 2

1	2	3	4	5
Роснефть	Мозамбик, Зимбабве, Малави, Алжир	Разведка нефти, строительство нефтепродуктопроводов	На согласовании сторон	0,7-1 млрд. долл.
Росатом	Египет, Гана, Нигерия, Танзания, ЮАР	Строительство АЭС, разведка и добыча урановой руды	На согласовании сторон	
Русский хром	ЮАР, Зимбабве	Добыча платины, хромитов	470 млн. долл.	0,7 – 1 млрд. долл.
Северсталь	Буркина Фасо, Гвинея, Габон, Республика Конго, Либерия, ЮАР	Разведка и добыча железной руды, золота	100-200 млн. долл. (оценка)	До 2015 г. – 2,5 млрд. долл. 2015 -2024 гг. – 4 млрд. долл.
РУСАЛ	Гвинея, Намибия, ЮАР, Нигерия	Добыча бокситов, производство глинозема, первичного алюминия	2 млрд. долл.	Нет данных

В рамках оказания международного содействия развитию Россия списала задолженность африканских стран по советским кредитам на сумму 20 млрд. долл., в том числе Эфиопии – 4,8 млрд. долл., Ливии – 4,5 млрд., Алжиру – 4,3 млрд., Анголе – 3,5 млрд.

В России проходят обучение в вузах 10 тысяч африканцев (2016 г.). Российское государство предоставляет ежегодно африканским странам 1700 государственных стипендий.

Утверждающаяся новая динамика российско-африканских отношений связана в первую очередь с развитием партнерства в тех областях и по тем направлениям, где Россия обладает конкурентным потенциалом, производственными мощностями, высокими компетенциями и опытом, а также необходимой отдачей в плане решения проблем собственного развития. К таковым сегодня можно отнести освоение природных ресурсов, атомную и гидроэнергетику, военно-техническое сотрудничество, создание спутниковых информационно-коммуникативных систем, сотрудничество в сфере образования, здравоохранения, в борьбе с эпидемиями, природными катастрофами.

Наиболее заметное продвижение достигнуто в сфере освоения природных ресурсов. Россия испытывает критический дефицит по 12-

15 минералам, включая марганец, хром, 80% запасов и добычи которых приходится на Африку. Рентабельные отечественные месторождения достигают пределов исчерпания, а освоение новых, расположенных, как правило, в отдаленных регионах, требует больших инвестиций, новых технологий и много времени. Кроме того, Россия активно участвует в международной схватке за африканские ресурсы, стремясь сохранить и укрепить свои позиции в качестве ключевого игрока и на рынках минерального сырья, на которые сохраняется и сохранится в обозримом будущем высокий спрос.

Россия подписала с десятью африканскими странами соглашения о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. В Египте практически начаты работы по строительству АЭС. Росатом выступает ключевым участником тендера на строительство шести ядерных блоков в ЮАР.

Более 20-ти африканских стран являются российскими партнерами в сфере военно-технических связей. Годовой объем поставок российской военной техники и продукции военного назначения превышает 1 млрд. долл. В 2013 г. на долю России приходилось до 30% африканского рынка вооружений и военной техники (в странах Северной Африки – свыше 40%, в странах к югу от Сахары – 12-15%).

Внешнеполитический и дипломатический компонент занимает лидирующее место в комплексе российско-африканских отношений. Новой России удалось сохранить уважительные отношения с африканскими государствами и взаимный настрой на сотрудничество на международной арене. Внешнеполитические ведомства обеих сторон наладили между собой наиболее регулярные, структурированные и документально оформленные каналы обмена информацией, согласования позиций и взаимодействия. Африканцев привлекает российская концепция политического мира, приверженность национальному суверенитету, противодействие стремлению западного сообщества сохранить любой ценой свое одностороннее лидерство в мире. Они хотели бы видеть Россию в качестве балансира при выстраивании отношений с Западом и, в какой-то мере, с Китаем.

Строительство отношений с Африкой на базе взаимной выгоды и заинтересованности – дело трудное и сложное. Дело не только в сохранении мощных рычагов воздействия в руках западных держав и неустойчивости взглядов африканских руководителей. Дело еще и в том, что нет единой африканской дипломатии. Есть дипломатия каждой отдельной страны. Набирает вес дипломатия региональных

сообществ. И, наконец, есть общеконтинентальная дипломатия, носителем которой официально выступает Африканский союз и его главный исполнительный орган – Африканская комиссия. Эти дипломатии порой не совпадают. Коллективная дисциплина, особенно на уровне АС, оставляет желать много лучшего. Тем не менее, играть России приходится на всех уровнях и на всех площадках. МИД России аккредитовал своих представителей при Африканском союзе, Экономическом сообществе государств Западной Африки, Сообществе развития Юга Африки [3].

Отмечается стремление России наладить более действенное взаимодействие по глобальным вызовам XXI века: сохранение экологии, противодействие климатическим угрозам, международному терроризму. До сих пор вес и влияние Африканского континента в этой сфере недооценивались.

Поддержание регулярных контактов на высшем, высоком и других государственно-политических уровнях играет исключительно важную роль в создании благоприятного климата в бизнес сотрудничестве.

К сожалению, лишь 10-12 африканских государств принимали российских государственных лидеров и министров федерального правительства. Зачастую лишь министр иностранных дел России и его заместители все еще остаются единственными достаточно регулярными собеседниками африканской государственно-политической и деловой элиты [4].

Выводы.

1. Россия достаточно уверенно преодолевает глубокий спад отношений с Африкой, зарегистрированный в конце 80-х и в 90-е годы XX столетия. Однако было бы преждевременным утверждать, что полное «возвращение» России на континент уже состоялось. Достигнутые рубежи торгово-экономического и финансово-кредитного сотрудничества остаются более чем скромными.

2. Расширение масштабов всестороннего сотрудничества будет, конечно, зависеть от устойчивости качества ускорения развития Африки, трансформации африканских экономик на современных индустриальных и технологических основах; а, во-вторых, от динамики социально-экономических и общественно-политических процессов в России.

3. Однако в перспективе решающее воздействие на повышение национальной и международной значимости российско-африканского партнерства будет оказывать освоение возможностей,

формирующихся в результате становления экономики знаний, использования цифровых и иных новейших технологий, появления новых форм и видов международного разделения труда, уплотнений сетей взаимозависимости экономик. Именно в этой связи становится все более необходимым переосмысление механизмов и моделей международного экономического сотрудничества вообще и российско-африканского, в частности.

4. Интересы Африки все заметнее смещаются в сторону Юга. Ее возможности ослабить критическую зависимость от Запада возрастают. Россия, наряду с другими участниками БРИКС, может внести в развитие этого процесса столь же впечатляющий вклад, который ими был сделан в достижение целей Движения неприсоединения и Организации африканского единства.

ЛИТЕРАТУРА

1 Васильев А., Корендясов Е. Российско-африканские отношения через десять лет: новый старт // Российский совет по международным делам. – 22.05.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1858#top - (дата обращения 08.09.2017)

2 Высоцкая Н.И. Россия – Африка // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/rossija__afrika_2009-05-14.htm - (дата обращения 08.09.2017).

3 Лавров С.В. Россия и Африка к югу от Сахары: отношения, проверенные временем // Russian View [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/bgr_4.nsf/0/2796B0A54210B41C44257CDF004 - (дата обращения 08.09.2017).

4 Салахетдинов Э.Р. Диалог Зимбабве-ЮАР. Проблемы и перспективы // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия МО и Регионоведения. - №1-2(11-12). – 2013. – С.35-38.

ЖАҢА КЕЗЕҢДЕ РЕСЕЙ-АФРИКА ҚАТЫНАСТАРЫ

Корендясов Е.Н.¹

¹экономика ғылымдарының кандидаты,
РҒА, Африка зерттеулер институтының
аға ғылыми қызметкері, Мәскеу, Ресей

Ресей 80-ші және 90-шы жж. XX ғасырдың соңында тіркелген Африкамен қарым-қатынастардың терең құлдырауын сенімді түрде женеді. Дегенмен, Ресейдің континентіне толыққанды «оралу» қазірдің өзінде орын алды деп айтуға ертерек еді. Сауда-экономикалық және қаржы-несиелік ынтымақтастықтың шекаралары қалыпты болып қала береді.

Тірек сөздер: монополия, әріптестік, өнеркәсіп, инвестициялар.

Статья поступила 09.09.2017

THE DEVELOPMENT OF CHINESE-INDIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF GROWTH IN COMPETITION IN CENTRAL ASIA

Juraev J.K.¹

¹Master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL
Specialty “6M020200 - International Relations”
Almaty, Kazakhstan

India and China have maintained relations for more than 2,000 years. Modern relations were established in 1950, when India became one of the first countries to abandon ties with the Republic of China and recognized the PRC as the legitimate government of mainland China. China and India are the two most densely populated countries, and also have some of the fastest growing economies in the world. The resulting economic growth affected the international influence of China and India, in light of which the importance of their bilateral relations also increased. Despite India's impressive economic growth, it lags far behind China in development.

Keywords: China; India; cooperation; Problems; rivalry; interests.

УДК 327(510+540)

МРНТИ 11.11:25

РАЗВИТИЕ КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РОСТА КОНКУРЕНЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Джураев Дж.К.¹

¹Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Специальность «6M020200 – Международные отношения
Алматы, Казахстан

Индия и Китай поддерживают отношения на протяжении более 2000 лет. Современные отношения были установлены в 1950 году, когда Индия стала одной из первых стран, отказавшихся от связей с Китайской Республикой, и признала КНР законным правительством континентального Китая. Китай и Индия являются двумя наиболее густонаселенными странами, а также имеют одни из самых быстрорастущих экономик в мире. В результате экономического роста повлиял на международное влияние Китая и Индии, в связи с чем также увеличилось значение их двусторонних отношений. Несмотря на впечатляющий экономический рост Индии, он значительно отстает от Китая в развитии.

Ключевые слова: Китай; Индия; сотрудничество; проблемы; соперничество; интересы.

Китай и Индия – соседи и быстроразвивающиеся сверхдержавы – связаны довольно непростыми отношениями. Торговый оборот между ними ежегодно растет с головокружительной скоростью. В 2011 г. двусторонний товарооборот составил 74 млрд. долл. США. Китай стал первым торговым партнером Индии. Страны поставили цель увеличить к 2015 г. объем двусторонней торговли до 100 миллиардов долларов. Растут и китайские инвестиции в индийскую экономику.

Двух азиатских гигантов сближает большое количество общих

интересов на международной арене. Китай и Индия сотрудничают в рамках следующих международных организаций и механизмов, таких как БРИКС, ШОС, «Треугольник Россия – Индия – Китай» и т.д. Объединив усилия, КНР и Индия осуществляют друг с другом взаимодействие, решая такие вопросы, как преодоление международного финансового кризиса, проблемы с климатическими изменениями, осуществление борьбы с терроризмом, обеспечение энергетической и продовольственной безопасности.

Однако сегодня проблемы в двусторонних отношениях остаются, прежде всего, это относится к военной и политической сферам. Индию давно беспокоят стремительное развитие и перевооружение китайской НОАК и Дели с тревогой наблюдала за тем, как Пекин усиливает свое влияние в Индийском океане. В свою очередь, беспокойство КНР вызывает военное сотрудничество Индии с теми странами, которые боятся возвышения КНР и стремятся создать достаточный геополитический противовес Поднебесной.

Отсутствие доверия между Китаем и Индией – это последствия китайско-индийской пограничной войны 1962 г. В центре разногласий находится так называемая линия Макмахона, представляющая собой неточную, извилистую границу, проведенную в 1914 г. британскими колониальными властями и представителями местного тибетского правительства. Центральное правительство Китая отказывается признавать эту линию. Осенью 1962 г. дело дошло до вооруженного конфликта. Китай нанес Индии унижительное и сокрушительное поражение в ходе конфликта. После этого Китай стал для Индии врагом №1. В конце 80-х гг. тенденция к восстановлению добрососедских отношений между двумя странами не смогла стереть из памяти индийцев и китайцев отголоски этих печальных событий, и сегодня ключевые направления политики КНР в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе по-прежнему приковывают к себе пристальное внимание индийских аналитиков.

За прошедшие 30 лет Китай сделал большие успехи в своем развитии и в достижении экономического роста, что обеспечило для китайских людей более высокий жизненный уровень и подняло международный авторитет Китая. Эти успехи в развитии экономики, вместе с продвижением в области науки и техники, позволили Китаю также осуществить всестороннее преобразование его вооруженных сил. Темпы и сферы военной модернизации Китая за прошедшее десятилетие значительно возросли, позволяя вооруженным силам

Китай развивать свои возможности и, тем самым, способствовать поднятию их международного общественного восприятия, а также подкрепить право выбора Китая по использованию военной силы для достижения дипломатических выгод или решения спорных вопросов в свою пользу.

Лидеры Индии и ее оборонные стратеги с опасениями смотрят на то, как Китай модернизирует армию и расширяет свое военное преимущество над Индией. Для некоторых в Индии противостояние Китаю имеет большее значение, чем давнему врагу Пакистану. Однако вслед за изменением глобального политического климата Китай намерен улучшить отношения с Индией, и не считает, что она является противником. Соответственно, главные цели по модернизации китайской армии не являются противостоянием с Индией, Китай наращивает военную мощь для того, чтобы ответить на другие серьезные вызовы.

16 апреля 2013 г. Китай опубликовал белую книгу «Национальная оборона Китая 2013 г». «Белая книга» впервые рассекретила численность и структуру китайской армии, но и – фактически впервые – назвала главные источники угроз, которые беспокоят китайское военно-политическое руководство.

На первом месте среди них значатся «некоторые страны», которые, как гласит документ, «укрепляют военные альянсы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, расширяют свое военное присутствие и часто обостряют обстановку». Нетрудно догадаться, кого имеют в виду китайские стратеги, если США поставили своей целью перебазировать в регион АТР к 2020 году 60% своих военно-морских сил, а недавно заявили о создании по периметру восточных границ Китая системы ПРО, предназначенной якобы исключительно для парирования «северо-корейской угрозы».

Кроме того, в тексте «Белой книги» указывается: «Отдельные соседние страны прибегают к действиям, которые осложняют и обостряют ситуацию, а Япония провоцирует инциденты вокруг вопроса островов Дяоюйдао». Таким образом, соседние страны, имеющие территориальные споры в Восточно-Китайском море и Южно-Китайском море с Китаем, – второй по значимости вызов безопасности КНР. На третьем месте стоят угрозы со стороны «трех сил зла» – терроризма, экстремизма и сепаратизма.

Чтобы понять американскую политику в АТР, необходимо рассматривать ее через призму приоритетов глобальной стратегии

президента Б. Обамы. Они заключаются в следующем:

- сохранение американского доминирования с помощью поддержания выгодного для США баланса сил в мире;
- недопущение появления равных по силам государства-соперника или коалиции держав, которые могли бы нарушить сложившийся баланс силы в каком-либо важном для США регионе.

После регулирования политики безопасности в ноябре в 2011 г. правительство Обамы все время считает центром тяжести вооружение союзников в АТР. В то время Обама объявил, что намерен переместить центр тяжести в АТР. Так называемым «центром тяжести в Азии» являются вооруженные силы, размещенные США в регионах АТР с целью сдерживания растущего экономического и военного влияния Китая и сохранения своего преимущественного статуса в этом регионе. Обещание Обамы от ноября 2011 г. считается вызовом Китая, который, по мнению американцев, стремится стать главной державой в регионе.

В докладе отмечается: «Исходя из долгого времени, перемещение стратегии безопасности США в регионы АТР, безусловно, требует увеличения воздушных и морских сил, а для всего этого нужна интеграция и поддержка авиационно-космической техники. С учетом дальней дистанции необходимы военно-воздушные силы, включая истребители, заправочные танкеры, транспортеры, информационные площадки, наблюдение и разведка, а также беспилотная система-разведчик, бомбардировщик и обеспечение способности для дальней операции ракет». США уже разместили в Японии 24 боевых конвертопланов V-22 Osprey. Истребители пятого поколения F-22 «Рэптор» также часто отправляют на остров Окинава на временное размещение. В принципе, американское военное планирование уже рассматривает сценарий силового столкновения с Китаем как возможный и готовится к нему.

Попытки решить проблему Тайваня также ведут Китай к конфликту с США. Руководство Китайской Народной Республики неоднократно заявляло о том, что Китай не допускает провозглашения независимости острова Тайваня. Руководство Тайваня, опираясь на поддержку Соединенных Штатов в качестве ответной меры осуществляет модернизацию собственных вооруженных сил с целью противодействовать континентальному Китаю. В марте 1996 г. президент США Б. Клинтон направил два авианосца в зону Тайваньского пролива в качестве ответной меры на военные учения НОА Китая в непосредственной близости от Тайваня.

После избрания в марте 2008 г. президентом Тайваня Ма Ин-цзю напряженность между сторонами несколько спала, однако на протяжении многих лет вероятность конфликта с Тайванем при военном вмешательстве США продолжает оставаться для НОА самой острой военной проблемой. Из-за возможного конфликта Китай будет продолжать модернизацию своих вооруженных сил все время, пока руководство страны будет считать, что потеря Тайваня может серьезно подорвать политическую легитимность режима и его власть в стране. Помимо этого, НОА пытается противодействовать, сдерживать, или вообще отрицать любые попытки оказания американской поддержки Тайваню на случай возникновения вооруженного конфликта.

Для достижения этой цели китайская армия разработала противокорабельную баллистическую ракету DF-21D. DF-21D является первой и единственной в мире противокорабельной баллистической ракетой, и первой системой вооружений, способной поражать движущиеся авианосные ударные группы на большой дистанции с помощью наземных мобильных пусковых установок [1]. Она может значительно увеличить возможности Китая по противодействию морским операциям, в частности, предотвращению ввода американских авианосцев в Тайваньский пролив. Развёртывание Китаем DF-21D вызвало серьёзные опасения в военных кругах США. Так, в августе 2010 г. в The Washington Times было опубликовано мнение аналитиков, что DF-21D способна пробить защиту лучших авианосцев и что она стала первой угрозой для глобального господства ВМФ США со времен холодной войны [2].

Пекин опасается за энергетическую безопасность. По оценкам экспертов, общие запасы нефти в Южно-Китайском море могут достигать 213 млрд. баррелей, что уступает разведанным ресурсам только двух государств — Саудовской Аравии и Венесуэлы, превосходя российские [3]. В недрах Восточно-Китайского моря находятся залежи 1,5 млрд. м³ природного газа и до 100 млрд. баррелей нефти. Растущие потребности Китая в энергоресурсах заставляют его укрепить свою позицию в спорных вопросах с соседями (Японией, Филиппинами и Вьетнамом). Вашингтон, который пытается сохранить свое превосходство в регионе, подталкивает эти страны в противостояние с Пекином. Из-за этого в последнее время обостряется целый ряд территориальных споров в Южно-Китайском море и Восточно-Китайском море.

Китай и Япония считают свои права в Восточно-Китайском море неоспоримыми. Япония настаивает на проведении границ особых

экономических зон, равноудаленных от береговой линии каждой заинтересованной страны, в то время как Китай претендует на континентальный шельф, протянувшийся за пределы равноудаленной от берега границы до Окинавской впадины. Китай и Япония продолжают также оспаривать принадлежность близлежащих островов Дяоюйдао (японское название: Сенкаку). Однако обе стороны заявляют, что этот спорный вопрос не должен подрывать их взаимоотношений.

Усиливается восточноазиатская экономическая интеграция. Главы правительств Китая, Японии и Южной Кореи в мае 2012 г. заключили трехстороннее инвестиционное соглашение, которое должно стать фундаментом «Зоны свободной торговли Китай-Япония-Южная Корея». Новый торговый блок станет противовесом Европейскому союзу и Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA). Добиваясь создания Восточно-Азиатской зоны свободной торговли, Китай, по убеждению аналитиков, стремится усилить свой вес в мировой системе, ослабив влияние США. Примечательно, что Штаты в данный момент также пытаются переманить Японию в собственный экономический блок - Транстихоокеанское партнерство (ТТП), ориентированный на сдерживание Китая. Япония и Китай также перешли в двусторонней торговле на национальные валюты, ставит под угрозу интересы США в этом очень важном регионе. Сближение Китая и Японии не в пользу США.

15 августа 2012 г. на спорный остров Дяоюйдао (Сенкаку) высадилась группа китайских активистов, которые прибыли туда на рыболовецкой шхуне из Гонконга. Они установили на островах флаг КНР, однако были задержаны японской полицией. Большинство активистов являются демократическими деятелями Гонконга, которые выступают за независимость Гонконга и имеют тесные связи с США. Это событие резко ухудшило китайско-японские отношения. 10 сентября 2012 г. японский государственный министр по финансовой системе Тадахиро Мацусита был найден мертвым у себя дома. Тадахиро Мацусита сыграл очень важную роль в интеграции китайско-японской экономики, он выступал за создание «Зоны свободной торговли Китай-Япония-Южная Корея». Его смерть является большой потерей для реализации единой зоны свободной торговли в Восточной Азии. На следующий день 11 сентября японское правительство объявило о «национализации» спорных островов Дяоюйдао (Сенкаку). Действия Японии привели к массовым антияпонским акциям протеста в Китае.

Раньше острова Дяоюйдао (Сенкаку) фактически были под

контролем Японии, но после «национализации» спорных островов японским правительством Китай начал осуществлять регулярное патрулирование вод в районе Дяоюйдао (Сенкаку). Китай и Япония, даже понимая всю пагубность осложнения отношений, попали в замкнутый круг, когда любое решение по этому архипелагу будет означать потерю лица либо для обоих, либо для одного участника конфликта. Как Китай, так и Япония могут пойти до конца, развязав в Тихоокеанском регионе вооруженный конфликт [4].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 U.S. commander says China aims to be a 'global military' power // Asahi Shinbun. - 2011. – 5.1.
- 2 Pacific power may shift with Chinese missile. Ed Talmadge // Associated Press. - 2010. – 6.8.
- 3 Индия и Китай не поделили вьетнамский газ // Коммерсантъ. – 2012. - № 230 (5015).
- 4 Мекебаев Т.К. Центральная Азия и Китай: пограничный вопрос и роль ШОС// Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия МО и Регионоведения. - №1-2(11-12). – 2013. – С.91-98.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ БӘСЕКЕЛЕСТІКТІҢ ӨСУІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ ҚЫТАЙ-ҮНДІ ҚАТЫНАСТАРЫНЫҢ ДАМУЫ

Жураев Ж.К.¹

¹Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ
«6M020200 - Халықаралық қатынастар» мамандығы магистрі
Алматы, Қазақстан

Үндістан мен Қытай 2000 жылдан астам уақыт бойы қарым-қатынастарын жалғастырды. Қазіргі қарым-қатынастар 1950 жылы Үндістан Қытаймен қарым-қатынастардан бас тартқан және Қытай Халық Республикасының заңды үкіметі ретінде ҚХР-ны мойындаған алғашқы елдердің бірі болған кезде құрылды. Қытай мен Үндістан - ең тығыз қоныстанған мемлекеттер, сондай-ақ әлемдегі ең қарқынды дамып келе жатқан экономикасы бар елдер. Нәтижесінде экономикалық өсім Қытай мен Үндістанның халықаралық ықпалына әсер етті, оның аясында екі жақты қарым-қатынастардың маңыздылығы артты. Үндістанның әсерлі экономикалық өсуіне қарамастан, ол Қытай дамуында артта қалып отыр.

Тірек сөздер: Қытай, Үндістан, ынтымақтастық, мәселелер, бәсекелестік, мүдделері.

Статья поступила 11.09.2017

SOCIOCULTURAL INTEGRATION WITHIN MULTICULTURALISM POLICY: MAJOR THEORETICAL PERSPECTIVES

Halimzai M.¹

¹1st year master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
specialty “6M020200 - International Relations”, Almaty, Kazakhstan

The events of recent years have shown that cultural disputes and conflicts identities go beyond domestic and regional ones. Peacekeeping control becomes an attribute of global security: regions of ethnic and confessional instability are associated with potential actors of international terrorism, which increases desire to find constructive ways to resolve cultural and political contradictions. If certain boundaries of socio-economic and cultural ties, expanding due to globalization, improve the living conditions of some groups, then for others they turn out to be destructive. This article presents the key theoretical approaches that explain different aspects of multiculturalism, and problematic issues in the implementation of socio-cultural policies integration.

Keywords: social and cultural integration, regional conflict, theory of the conflict, multiculturalism, conflict of identities, political and cultural integration.

УДК 316.48

МРНТИ 11.11:15

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В РАМКАХ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Халимзай М.¹

¹магистрант 1 курса КазУМОиМЯ им. Абылай хана по специальности «6M020200 –
Международные отношения», Алматы, Казахстан

События последних лет показали, что культурные споры и конфликты идентичностей выходят за рамки внутрисударственных и региональных. Миротворческий контроль становится атрибутом глобальной безопасности: регионы этнической и конфессиональной нестабильности ассоциируются с потенциальными субъектами международного терроризма, что увеличивает стремление к поиску конструктивных способов разрешения культурных и политических противоречий. Если определенные границы социально-экономических и культурных связей, расширяющиеся вследствие глобализации, улучшают условия жизни одних групп, то для других они оказываются разрушительными. В данной статье представлены ключевые теоретические подходы, объясняющие различные аспекты мультикультурализма, а также проблемные вопросы при осуществлении политики социокультурной интеграции.

Ключевые слова: социальная и культурная интеграция, региональный конфликт, теория конфликта, мультикультурализм, конфликт идентичностей, политико-культурная интеграция.

Реализация политики социо-культурной интеграции на региональном уровне направлена на обеспечение ценностно-политической консолидации мультиэтнических и мультикультурных сообществ. В связи с этим исследование антиконфликтного,

нормативно-социетального, ценностного потенциала политики интеграции и анализ механизмов адаптации этнорегиональных сообществ к условиям системной модернизации являются наиболее актуальными в долгосрочной стратегии национальной политики.

Проблема теоретического исследования политики интеграции связана с анализом и концептуализацией ценностно-инклюзивной модели интеграции как важнейшего инструмента конструктивного разрешения культурных конфликтов в этнорегиональном измерении. По мнению Р. Запаты-Бarrerо и Р. Гропас, политика интеграции предполагает императивное участие граждан в политической жизни, которое занимает центральное место в демократическом управлении по следующим причинам:

- во-первых, участие в политической жизни предлагает людям возможность влиять на результаты процессов принятия решений (они могут защищать свои интересы или интересы культурных групп, к которым они принадлежат);

- во-вторых, политическое участие имеет системную функцию «политической социализации» с точки зрения усиления чувства гражданской принадлежности и формирования общей идентичности. Оба этих аспекта имеют решающее значение для урегулирования региональных конфликтов, социокультурной сплоченности и динамичного развития демократических государств, характеризующихся культурным и этническим разнообразием [1].

Деградация социетальных ценностей и снижение уровня гражданской идентификации в полиэтническом регионе становятся факторами политической дезинтеграции. Политическое участие этнических и культурных групп принадлежит к одному из четырех базовых измерений политики интеграции, наряду с тремя другими:

1) правами, предоставленными для мигрантов со стороны принимающего сообщества;

2) персональной и групповой идентификацией с принимающим сообществом;

3) социальной инклюзией, принятием демократических норм и гражданских ценностей как необходимым условием интеграции.

Противоречивое сочетание интеграционных и дезинтеграционных тенденций регионального развития знаменует начало XXI в. Взятые вместе, они создают фундамент для системной солидарности и новой интеграционной политики. По мнению Дж. Рекса, проблемы урегулирования этнических конфликтов и политической интеграции

культурных меньшинств генерируют государственные ответы в виде идеологии и практики мультикультурализма.

В современном мире существуют неоконсервативные и неолиберальные варианты ответов на «демографическое присутствие» меньшинств:

1) Полное исключение культурных меньшинств из социальной и политической сферы, отказ от предоставления гражданства и возвращение меньшинств в страны происхождения.

2) Непризнание культурной инаковости и обособленности меньшинств при условии предоставления гражданства в процессе натурализации.

3) Поддержка трудовых мигрантов и их детей в качестве временных жителей, не имеющих права на получение гражданства.

4) Продвижение различных форм политики мультикультурализма:
а) признание культурных меньшинств на государственном уровне как части институциональной структуры; б) создание новой «гибридной культуры» с автономией для меньшинств на основе приоритета индивидуальных прав, при этом ни одна этническая группа не является привилегированной по отношению к другой [2].

По словам Э. де Фреде, «тот факт, что общество стало плюралистичным (мультикультурным), был возведен до идеала, при котором группы различного культурного происхождения проживают совместно в мире и гармонии. Образовались два типа мультикультурализма: фактический и политический (идеологический). Политический мультикультурализм превозносит наличие в нашем обществе различных культур и трактует его как ‘обогащение’. Однако никто не внял предупреждению Шекспира: ‘Чрезмерная близость порождает презрение’. Подобная ‘угроза презрением’ была еще серьезнее из-за заострения различий в сочетании с пренебрежением общностью вовлеченных культур. В истинно плюралистическом обществе политический курс был бы направлен на интеграцию с признанием прав на собственную групповую идентичность и предоставлением равного доступа к ресурсам общества».

Ключевой вопрос современных интеграционных теорий касается взаимосвязи между политическим участием мигрантов и политической консолидацией. Социокультурная интеграция мигрантов имеет отношение, во-первых, к групповой идентификации с политической системой; во-вторых, к их активному участию в политической жизни путем голосования или участия в публичной сфере; в-третьих, к

осознанию того, что они услышаны властями.

В этом контексте следует отметить, что эффективность интеграции и участия в политическом процессе зависят от страны происхождения и принимающей страны, личностных качеств мигрантов, изменений в структуре политических возможностей, возникающих в принимающем сообществе [1, с.167].

По словам В.С. Мартьянова, «выработка общих ценностей и правил требует институционального согласования антагонистических интересов и механизмов подчинения несогласных. Последнее с массовым ростом автономии индивидов все чаще переосмысливается как тоталитарная тенденция. Постмодернистская критика тотализирующего характера универсальности современных политических учений приводит к попыткам обосновать альтернативные принципы общественной морали, связанные с фоновыми процессами роста рефлексивной социальности, индивидуальной автономии и проистекающей из них индивидуализации нравственности» [3].

По мнению Ж. Тилье и Б. Слийпера, существуют две фундаментальные нормативные концепции политической философии, лежащие в основе теории политической интеграции: «демократия» и «государственность (*nationhood*)». В рамках «концепции демократии» центральная проблема политики интеграции связана с обсуждением социального и гражданского неравенства: культурные и этнические меньшинства мигрантов здесь определяются как иностранцы, которые должны стать гражданами с сохранением уникальной культурной идентичности. В рамках «концепции государственности» вопрос о политической и социокультурной интеграции решается с точки зрения конструирования гражданской идентичности мигрантов, которые в конечном итоге должны стать соотечественниками, членами политического сообщества [4].

Эти базовые измерения политики социокультурной интеграции могут быть разделены на «минималистские» и «максималистские» концепции демократии и государственности. В минималистской концепции демократии главным результатом эффективной политики интеграции является наличие равных гражданских, социальных и политических прав. Данная концепция связана с политической философией классического либерализма: с идеей о том, что роль государства в реализации социального равенства ограничивается реализацией равенства возможностей. Максималистская концепция демократии относится к политическому дискурсу «новых левых» и теории социального либерализма, согласно которой равенство

возможностей является слишком ограниченным: «реальное» равенство для культурных и этнических меньшинств означает, что их ценности, интересы и идентичности в равной степени учитываются на политической арене [5].

Разница между минималистской и максималистской концепциями государственности основывается на различных концепциях нации. В минималистской концепции государственности нация воспринимается как «моральное сообщество»; главным результатом эффективной политики интеграции является «минимизация культурных различий» между большинством и группами этнических меньшинств, которые должны принять процедуры и нормы конституционной демократии, базовые политические и гражданские ценности, специфичные для конкретного политического сообщества и включающие в себя ценности «всеобъемлющей социетальной культуры». Эта концепция связана с политической философией коммунитаризма. В максималистской концепции государственности нация трактуется в перспективе республиканизма, где нивелируются культурные различия и этнические идентичности на основе приоритета «политической лояльности». Данная концепция связана с политической философией «неореспубликанизма».

Как отмечают Ж. Тилье и Б. Слийпер, эти теоретические различия приводят к четырем концепциям политики социокультурной интеграции: 1) социальной инклюзии; 2) политического участия; 3) аккультурации; 4) ассимиляции. Хотя на нормативном уровне существуют «напряженные отношения» между этими четырьмя концепциями, Ж. Тилье и Б. Слийпер подчеркивают, что «эмпирически они не являются взаимоисключающими»: например, «формальная интеграция» не является оппозицией «интеграции широкого участия» (*participatory integration*), а скорее ее необходимым условием [4, с.39].

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить следующие ключевые теоретические основы социокультурной интеграции в рамках мультикультурализма:

1) чем выше степень интеграции и солидарности в обществе, тем более высокой будет эффективность страны в таких сферах, как образовательная система, медицинское страхование, получение социальных программ;

2) более высокий уровень политического участия повышает уровень ценностной консолидации, что не только способствует интеграции, но и повышает социальный капитал.

ЛИТЕРАТУРА

1 Zapata-Barrero R., Gropas R. Active Immigrants in Multicultural Contexts: Democratic Challenges in Europe // European Multiculturalisms: Cultural, Religious and Ethnic Challenges. Ed. by A. Triandafyllidou, T. Modood, N. Meer - Edinburgh: Edinburgh University Press. – 2012. – P.167-191.

2 Martiniello M. Political Participation, Mobilization and Representation of Immigrants and Their Offspring in Europe // Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations, School of International Migration and Ethnic Relations. – Malmö: Malmö University. – 2005. - № 1/05. – P.1-3.

3 Rex J. Multiculturalism in Europe and North America// Nations and Nationalism. – 1995. - Vol.1. - No.2. – P.243-59. - Access mode URL: <https://is.muni.cz/el/1423/jaro2006/SOC766/pdf> - (accessed 12.08.2017).

4 Tillie J., Slijper B. Immigrant Political Integration and Ethnic Civic Communities in Amsterdam // Identities, Affiliations, and Allegiances. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2006. – P.72-90.

5 Досжанова А.И. Американдық мультимәдениет теориясы және қоғамдағы даму мәселелері//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международные Отношения и Регионоведение». - №2(16). – 2014. – С.44-49.

МӘДЕНИЕТТЕР АЛУАНДЫҒЫ САЯСАТЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК- МӘДЕНИЕТ ИНТЕГРАЦИЯСЫ: НЕГІЗГІ ТЕОРИЯЛЫҚ ТӘСІЛДЕРІ

Халимзай М.¹

¹Абылай хан атындағы, ҚазХҚжӘТУ
«6M020200 - Халықаралық қатынастар» мамандығы магистрі
Алматы, Қазақстан

Соңғы жылдардағы оқиғалар мәдени таластар мен жеке тұлғалар арасындағы қақтығыстар ішкі және аймақтық деңгейден тыс шығып отырғанын көрсетті. Бітімгершілік бақылау жаһандық қауіпсіздіктің атрибуты болып табылады: этникалық және діни тұрақсыздық аймақтары халықаралық терроризмнің ықтимал қатысушылары болып табылады, бұл мәдени және саяси қайшылықтарды шешуге сындарлы жолдар табуға деген ұмтылысты арттырады. Егер жаһандану жағдайында кеңеюі мүмкін әлеуметтік-экономикалық және мәдени байланыстардың белгілі бір шекаралары кейбір топтардың өмір сүру жағдайларын жақсартады, ал басқалар үшін олар жойқын. Бұл мақалада мәдениеттер алуандығының әр түрлі аспектілерін түсіндіретін негізгі теориялық тәсілдер, сондай-ақ әлеуметтік-мәдени интеграция саясатын жүзеге асырудағы проблемалық мәселелер қарастырылған.

Тірек сөздер: әлеуметтік және мәдени интеграция, аймақтық қақтығыстар, қақтығыстар теориясы, мәдениеттер алуандығы, жеке тұлғалар арасындағы қақтығыс, саяси және мәдени интеграция.

Статья поступила 20.09.2017

MEDIA IMAGES OF COUNTRIES IN THE NATIONAL MEDIA COMPARISON OF THE CONCEPTS IMAGE AND IMAGE

Baigushkarova A.Zh.¹

¹Master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL
Specialty “6M020200 - International Relations”
Almaty, Kazakhstan

Media images of countries in the media are very important for these countries; many countries are persistently trying to create a positive image in the media. I will consider the differences in the terms image and image, in which I will try to explain the difference between them. The term “soft power” and the role of media in shaping the image of the country will also be a key factor in the study. Specific examples and situations will be given in which the influence of the media has been decisive

Keywords: media, soft power, lobbying, state participation, image, Mass Media.

УДК 32.019.51: 327.82

МРНТИ 19.19:45.91

МЕДИА ОБРАЗЫ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН В НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ ОБРАЗ И ИМИДЖ

Байгушкарлова А.Ж.¹

¹магистрант 1 курса КазУМОиМЯ им. Абылай хана
по специальности «6M020200 – Международные отношения»,
Алматы, Казахстан

Медиа образы стран в СМИ очень важны для этих стран, многие страны настойчиво пытаются создать себе положительный имидж в медиа. Рассмотрю различия терминов образ и имидж, в которых постараюсь объяснить разницу между ними. Термин “мягкой силы” и роль медиа в формировании образа страны также будет ключевым фактором исследования. Будут даны конкретные примеры и ситуации, в которых влияние СМИ оказалось решающим.

Ключевые слова: медиа, мягкая сила, лоббирование, государственное участие, имидж, СМИ, образ.

Сегодня тема образа страны в СМИ является не менее важным аспектом политической жизни государства, чем другие, более консервативные проявления влияния геополитики. Не только внешняя политика страны, внутренние проблемы и экономические показатели важны в современном мире, теперь и образ государств в международных СМИ, уровень обозрения жизни граждан, портрет лидера государства является не менее важным аспектом. Любая развитая страна крайне заинтересована в продвижении своего положительного имиджа на международной арене, ведь это повышает не только ее конкурентоспособность в целом, но и делает ее привлекательной для обывателей. Как внешних, так и внутренних. Самый доступный и главное эффективный способ продвижения своего имиджа это средства массовой информации. Отдельно взятые государства тратят

очень приличные суммы из своего государственного бюджета на лоббирование своих интересов не только в подконтрольных национальных СМИ, но и в международных, пользующихся большим влиянием и авторитетом изданиях [1]. Так называемая «мягкая сила» с каждым годом играет все более важную роль во всех уровнях политики. Привлекаются различные деятели культуры, постоянные рекламные ролики и различного рода агитация и пропаганда, государственные структуры активно принимают в этом участие, деньги на это порой идут непосредственно из бюджета государства. Порой цель не только восхвалить достижения собственного государства, но и очернить соперника, при этом этим могут быть заняты не только частные лица, но и целый государственный аппарат.

Также в своей статье, я постараюсь дать сравнения понятий образа и имиджа страны в СМИ. Это также очень глубокий и отдельный аспект, которому нужно уделить повышенное внимание. Притом, что, несомненно, в двадцать первом веке уровень технологий и пиара значительно выше, по-прежнему многие аспекты невозможно полностью контролировать. Порой картинка образа страны является искаженной, порой полностью противоположной реальности. Создать полностью положительный, ровно, как и полностью негативный, образ страны невозможно. Слишком много различных факторов задействовано в аспектах создания имиджа государства [2].

В своей диссертации, постараюсь дать примерные и конкретные случаи и ситуации, наглядно показать влияние медиа на создание образа страны, отличия этого образа от жизненных реалий и то, на какие методы и какими средствами эти образы создаются. Собираюсь рассмотреть не только глобальные примеры, поведение сверхдержав на международной арене, но и дать примеры регионального доминирования, дать примеры как эти процессы работают на отечественной платформе, как это все работает в Казахстане. В контексте страновых имиджей и образов речь может идти об исследовании ситуаций, когда определенная страна прилагает усилия к формированию свою позитивного имиджа на внутренней или международной арене, однако эти усилия пока не носят системно-комплексного характера и по меньшей мере равны по эффекту стихийному формированию имиджа этой страны собственными и зарубежными средствами массовой коммуникации [3]. Понятие имиджа сегодня применяется к различным объектам – личностям (политикам, руководителям, артистам, спортсменам и др.), организациям (корпоративный имидж), продуктам, а в последнее время

активно используется по отношению к целостным территориальным образованиям – городам, регионам, странам, межгосударственным объединениям. Территории, о которых идет речь в контексте страновых имиджей, означают области с правительственными учреждениями, под управлением правительства. Этот термин применим к странам, городам, районным центрам, селам и т.п.

Также будет очень интересно увидеть и сопоставить, как с развитием технологий, произошел такой термин как “мягкая сила”. Он, конечно же, был и до этого, но именно в современных реалиях он обрёл совершенно новые краски. Страны стали уделять этому много внимания, на данный момент практически нет ни одного государства в мире, которое бы не уделяло должного внимания созданию своего позитивного имиджа. Разве что КНДР, и некоторые страны Африки и Латинской Америки [4].

Главной особенностью международных отношений является отсутствие в них единого центрального ядра власти и управления. Они строятся на принципе полицентризма и полииерархии. Поэтому, в международных отношениях большую роль играют стихийные процессы и субъективные факторы. Международные отношения - это совокупность экономических, политических, правовых, идеологических, дипломатических, военных, культурных и других связей и взаимоотношений между субъектами, действующими на мировой арене. Независимые государства не развиваются в вакууме, они взаимодействуют друг с другом и выступают субъектами политики более высокого уровня - мировой политики. То есть государства действуют в сфере международных отношений. Международные отношения выступают тем пространством, на котором сталкиваются и взаимодействуют на разном уровне (глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем) различные силы: государственные, военные, экономические, политические, общественные и интеллектуальные.

Мировой политикой называют процессы выработки, принятия и реализации решений, затрагивающих жизнь мирового сообщества. В современной мировой политике действует огромное количество различных участников. Но до сих пор преобладающим остается взгляд, что основными субъектами мировой политики являются государства и группы (союзы) государств.

Однако сегодня обозначилась объективная тенденция расширения участников международных отношений. Все более важными

субъектами в международных отношениях становятся международные организации. Они обычно разделяются на межгосударственные или межправительственные и неправительственные организации [5].

Межгосударственные организации являются стабильными объединениями государств, основанными на договорах, обладают определенной согласованной компетенцией и постоянными органами.

Сложность межгосударственных отношений в политической сфере, потребность регулировать международную жизнь привели к созданию неправительственных организаций. Неправительственные организации имеют более сложную структуру, чем межгосударственные. Они могут быть и чисто неправительственными, а могут иметь смешанный характер, то есть включать и правительственные структуры, и общественные организации, и даже индивидуальных членов.

Как субъекты международных отношений международные организации могут вступать в межгосударственные отношения от своего собственного имени, и в то же время от имени всех государств, входящих в них. Число международных организаций постоянно растет.

Прежде всего, следует помнить о том, что СМИ – это ключевая аудитория, с которой нужно установить коммуникацию. Основа взаимоотношений со СМИ – формирование постоянного информационного потока. И даже если речь идет о зарубежной аудитории – формирование этого потока в первую очередь внутри страны, поскольку у зарубежных СМИ источниками информации будут и национальные медиа. Поэтому одна из главных целевых групп – работающие в данной стране и с информацией о данной стране иностранные журналисты. Следует систематически находить информационные поводы, которые позволят непрерывно формировать информационный поток. Для этого нужно предоставлять как можно больше сведений о стране. Многие ее преимущества зачастую воспринимаются собственными гражданами «само собой разумеющимися», и не считается необходимым специально информировать о них зарубежные аудитории. Также будет очень интересно узнать, как возможно использовать черный пиар, очернять или искусственно возвеличивать отдельно взятых политиков, или даже целые страны. Это тоже определенный тренд на сегодняшний день, к примеру, споры вокруг выборов президента США, не утихают даже спустя год. Обсуждается не только личный репетиционный аспект и имидж самого президента Америки, но и то, какое влияние могло оказать иное государственное образование на местных избирателей,

могла ли Российская Федерация каким-то образом быть причастна к продвижению кандидата, якобы выгодного Москве [6]. В двадцатом веке себе было невозможно даже в теории представить подобную ситуацию, сегодня же это возможно благодаря современным технологиям и инновациям. Или взять, к примеру, освещение недавних выборов президента в Кыргызстане, то как СМИ освещали, казалось бы, одни и те же события, с диаметральной противоположностью. Нельзя обойти стороной затянувшееся противостояние Российской Федерации с коллективным Западом, нужно будет обратить особое внимание на то, насколько большую роль играют медиа в данном противостоянии. В реалиях сегодняшнего дня, оказалось, что не только экономика, как локальная, так и мировая, очень зависима от политической конъюнктуры, но и независимые СМИ, которые на поверку оказались не такими уж и независимыми. Насколько государство влияет на информационную повестку отдельно взятых медиа, сейчас очень активно обсуждается взятие и просторов интернета под государственный контроль, о чем уже открыто заявили, к примеру, в Китае, где правительство вплотную занялось этим вопросом. Насколько ангажированы СМИ, связанные с государственными структурами, как это влияет на их освещение той или иной информации. Как подогреваются различные стереотипы и фобии времён холодной войны, как идет милитаризация общества и нагнетание истерии с обеих сторон. События, произошедшие на Украине, также будут хорошим примером для анализа работы СМИ. Насколько объективны, или наоборот необъективны, оказались те или иные медиа, постоянные информационные взбросы с целью дезинформации собственных зрителей также должны изучаться внимательнейшим образом. Очень активно работают различные НПО и НКО, у них также есть достаточно большое влияние на информационную повестку в СМИ, их активное участие в мировых процессах и роль в информационной повестке должна учитываться и быть принята во внимание [7].

Тема очень объемная, интересная и актуальная на сегодняшний день. Можно даже назвать ее злободневной. Есть много различных теорий о влиянии СМИ, об их ангажированности или наоборот беспристрастности, также какое влияние они оказывают на аудиторию. Насколько вообще реальны картинка медиа и настоящая жизнь, ведь зачастую возникают большие сомнения по этому вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1 Адорно Т. Коммуникация как средство информационно-психологического воздействия: Пер. с нем. - М., 1993. – 214 с.

2 Антонов В.И., Ямцилова З.С. Проблема стереотипов как один из барьеров в контексте коммуникации культур // Россия и Запад: Диалог культур. Вып.7. - М., 1999. – 345 с.

3 Березкина О.П. Политический имидж в современной политической культуре: дисс.... докт. полит. наук. - СПб., 1999. - 374 с.

4 Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. - М.: ЮНИТИ, 2004. – 110 с.

5 Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.

6 Кольцова Е. Враги объективности // Отечественные записки. – 2003. – № 4 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/28.html> - (дата обращения 10.09.2017).

7 Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 234 с.

8 Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. – М.: УРСС, 2000. – 312 с.

ӘРТҮРЛІ ЕЛДЕРДІҢ БАҚ-ТАРДАҒЫ БЕЙНЕЛЕРІ БЕЙНЕ МЕН ИМИДЖДІ САЛЫСТЫРУ

Байгушкарлова А.Ж.¹

¹Абылай хан атындағы, ҚазХҚЖӘТУ
«6М020200 - Халықаралық қатынастар» мамандығы магистрі
Алматы, Қазақстан

Бұқаралық ақпарат құралдарындағы елдердің медиа - кескіндері елдер үшін өте маңызды, көптеген елдер бұқаралық ақпарат құралдарында оң имидж жасауға тырысады. Бейне мен имидж терминдерінің арасындағы айырмашылықтарын қарастырамын. Зерттеудің негізгі факторы «жұмсақ күш» және елдің имиджін қалыптастырудағы БАҚ рөлі болады. Бұқаралық ақпарат құралдарының әсері шешуші болатын нақты мысалдар мен жағдайлар көрсетілетін болады.

Тірек сөздер: БАҚ, жұмсақ күш, лоббилендіру, мемлекеттік қызмет, бедел, БАҚ, бейне.

Статья поступила 08.08.2017

UDC 314.01:94 (574)

IRSTI 05.21.23

THE KAZAKHSTAN DIASPORA IN RUSSIA: THE PROPORTION OF THE POPULATION CENSUS OF KAZAKH PEOPLE IN RUSSIA

Bissembayev B.¹

¹Master student of Kazakh Ablai Khan KazUIRandWL,
Specialty International Relations, the 1st course, Almaty, Kazakhstan

The article is devoted to the demographic analysis of the Kazakh Diaspora population

in the Russian Federation according to the results of the population census in 2002 and 2010. It also reveals the ratio of urban and rural population of the Kazakh Diaspora and the reasons for the decline in the number of Kazakh Diaspora in Russia during the period between censuses.

Keywords: Kazakh Diaspora, the Russian Federation, immigration, population census, immigrant.

There are about 4 million Russian people living in Kazakhstan, according to various estimates there are about from 650 000 till 1 500 000 ethnic Kazakhs living in Russian Federation. Nowadays, Kazakh Diaspora of Russia is the tenth by number among all ethnic people of the country. Basically, the areas of compact residence of Kazakh people and their families are located in the following regions bordering the Republic of Kazakhstan in Russia – in the Altai Territory, Omsk region, Chelyabinsk region, Kurgan region, Orenburg region, Saratov region, Volgograd and Astrakhan regions. There in the Volga Federal District there are about (228016 people), South Federal District (201095 people), Astrakhan region (142633 people), Orenburg region (125568 people), Siberia Federal District (123914 people), Moscow city 7997 people, in Saint-Petersburg -2830 people.

At the All-Russia Population Census of 2002, just like the previous censuses, the method of population survey and filling out questionnaires was used (questionnaires) by specially trained copyists. During the census period, census workers went around all the premises of their enumeration area, where the population lived or could live (including offices, entrepreneurs' and organizations). The recording of information in the census questionnaires was made from the words interviewed without presenting any documents confirming the correctness of the answers. Collection of information was also implemented in the stationary areas and in exclusive cases with the use of Mobile phone connection [1].

Statistical indicators testify the decreasing of a number of Kazakh ethnos. According to the results of the of Russian Federation in 2002 the number of Kazakh people consisted of 653 962 people, that conformed in the percent correlation 0,45 % relatively of the general population, however, the 2010 population census data the number of Kazakh people consisted of 647 736 – 0,45 %. Percentage did not change, as Russia during intercensal period observes the decrease of the number of population to 1,6 % (2 310 195 people). The total computation of decreasing number of Kazakh people it is observed for 6 230 people it means considerably for 0,9 %.

According to the 2002 Census, there are 653,962 ethnic Kazakhs in Russia. The city population consists of 212 741 people (32,5%), rural population –441 221 people (67,5%). For three years the quality of Kazakh

people has increased for 18097 people (According to population census data if 1989 there about 635 865 people lived in Russian Federation).

The quality of Ethnic Kazakh people at the age of from 0 till 17 years consists of 29,9% (195547 people) of the total number of Kazakhs living in Russia. At the age of from 18 till 29 years 19,8% (129357 people) of Kazakh people lives. Also a large percentage of Kazakh population in Russian Federation is composed by a group of people at the age of from 30 to 44 лет – 28% (183728 people). The least part – 8,6% (56226 people) comes to Kazakh people living in Russia at the age of from 60 years and more [2].

But nevertheless, we can observe the preponderance of female population, especially it was noticed in 2010, the number of Kazakh people consists of 50,4 % from total number of Kazakh population. The quality of Kazakh women at the age of 15 and older, living in Russian Federation consists of 36,4%, or 252715 people. Among them Kazakh women: without children - 25%; who produced 1 child – 18,7%; who produced 2 or 3 children – 38,9%; who produced 4 or 6 children – 11% and who produced 7 children and more – 4,2%. Correlation of urban and rural Kazakh guy is not evenly. According to 2002, The percentage of the village inhabitant of Kazakh people is 67,5 % it is – 441 221 people, in 2010 – 63 % (408 827). Outflow of rural population to the city is noticeable. During intercensal period the number of urban Kazakh man increased for 26 164 people.

The main reason of decreasing in the number of Kazakhs is negative migration processes. Some Russian Kazakh people move to Kazakhstan and other countries, wherein basic part of Kazakh people departures precisely directed to Kazakhstan. There is state program for the repatriates support in Kazakhstan. The first state program for the support of the compatriots, living abroad, was enacted in 1996. The most important stage became the State program for the support of the compatriots, who live abroad, for 2005–2007, whose amount of financing composed more than 1,7 million tenge. That's why lots of Russian Kazakh people came back to its historical Motherland thanks to that program. There is also counterflow of the Kazakh migration from Kazakhstan to border Russian regions. According to the Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics in 2008 more than 2 thousand ethnic Kazakh people left the country, entered above 7 000 oralmans [4, p.29]. Year after year the quota for oralmans were increasing: in 2000 the quotas for 500 families were approved, in 2002 – 2,6 thousand families, 2003– 5 thousand families, 2004– 10 thousand families. As a percentage based on CIS countries the number of arrived in the middle of 2000-s

from Uzbekistan consisted of about 70 %, from Russia – 20 %, from near abroad: China – 57 %, Mongolia – 31 %, Germany– 6 %. On behalf of the President of the Ministry of Labor and Social Protection of Population in December 2008 there was the preparation of the program «Нұрлы кош» (“Nurly Kosh”). Its basic aim is comprised in resettlement of people who returned to their homeland, by creating the right conditions for life.

In connection with establishment of economic ties of Kazakhstan with Russia, common cultural historical bases where Kazakh people in Russia can become the necessary bridge for strengthening the further friendly relations between the states. That is why it is necessary to formulate respect to the culture of other people with the help of acquaintance with their holidays, customs, language learning.

According to Population census of 2002 ethnic Kazakh people know 47 languages. 470699 people from all Kazakhs know Kazakh language that consists of 72%. The most popular languages are: Tatar, German, Bashkir, Altai and Uzbek. 98,2% of ethnic Kazakh people know Russian. Almost one hundred percent of urban Kazakhs know Russian, villagers - 97,8%.

The “Kazakhs” group included those who noted the following birth names in the census form - Aday, Argyn, Bersh, Jahaybai, Jap, Kerei, Купчак with Kazakh language, Nayman with Kazakh language, Nogay with Kazakh language, steppe Kazakhs, Tabyn, Tama, Torkara, Turkish Kazakh, and etc.

According to the results of the All-Russian population census in 2002, the Kazakh Diaspora in Russia can be divided into two groups: the first includes those of its representatives who live in border regions. Such group includes the large parts of Kazak people that mainly work in the sphere of agriculture. Among 14 regions of the Republic of Kazakhstan, six regions (Kostanai, West Kazakhstan Region, North Kazakhstan Region, West Kazakhstan Region, Pavlodar and Aktyubinsk) border on the Russian Federation. The second group includes representatives of the Diaspora, those who live in the city. They more often have high education degree and are engaged in intellectual work [3].

The irredent and Diaspora of ethnic Kazakhs in the Russian Federation, which has formed, has been successfully adapted to the social and economic stratification of Russian society, has its common unifications and cultural centers (about 40) and by this serves as one more factor of the strengthening friendship between Kazakhstan and Russia.

REFERENCES

1 Ракишева Б.И. Казахская диаспора и ирредента в России: статистический анализ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.postsoviet.ru/> (дата обращения 10.09.2017).

2 Мауеканова А.Т. Казахская диаспора в Российской Федерации в межпереписной период 2002–2010 гг. [Kazakh diaspora in the Russian Federation in the period between censuses 2002–2010] [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://elibr.altstu.ru/elibr/books/Files/pdf> - (дата обращения 10.09.2017).

3 Kaliyeva A. The Kazakh diaspora abroad and oralman in Kazakhstan: historiographical analysis//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международное Отношения и Регионоведения» - №2(20). – 2015. – С.129-137.

РЕСЕЙДЕГІ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ДИАСПОРА: РЕСЕЙДЕГІ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ САНАҒЫНЫҢ ҮЛЕСІ

Бисембаев Б.¹

¹Абылай хан атындағы КазХКжәнеӘТУ магистранты, Халықаралық қатынастар мамандығы, 1 курс, Алматы, Қазақстан

Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының демографиялық сараптамасы Ресей Федерациясындағы 2002 және 2010 жылдарға арналған нәсілдер нәтижесіне негізделген. Сондай-ақ, ол Қазақстан диаспорасының қалалық және ауылдық жерлерге деген қарым-қатынасын ашып, Ресейдегі Қазақстан диаспорасының сапасын жоғарылату кезеңінде

Тірек сөздер: Қазақ диаспорасы, Ресей Федерациясы, иммиграция, халық санағы, иммигрант.

ДИАСПОРА КАЗАХСТАНА В РОССИИ: ПРОПОРЦИЯ ПЕРЕПИСИ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Бисембаев Б.¹

¹Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
по специальности: международные отношения, 1 курс, Алматы, Казахстан

Статья описывает демографический анализ населения Казахской диаспоры в Российской Федерации, основанные на результате переписи населения 2002 и 2010 года. Она также раскрывает пропорцию городского и сельского населения Казахской диаспоры и причины уменьшения количества Казахской диаспоры в России в период переписи населения.

Ключевые слова: Казахская диаспора, Российская Федерация, иммиграция, переписи населения, иммигрант.

Статья поступила 22.08.2017

UDC 327(5-011)
IRSTI 11.15.91

TRANSFORMATION OF POLITICAL SYSTEMS OF THE MIDDLE EAST

Galagan M.¹

¹Master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
Specialty International Relations, Almaty, Kazakhstan
E-mail: escaper.mv@gmail.com

The article examines the political systems of the Middle East and what changes have taken place in the current realities, the impact of these transformations and their implications for the region and on world politics at this time.

Keywords: transformation, political system, Islamism, secularism, fundamentalism, reorganization.

Modification of political systems in the Middle East occupies a special place in the studies of foreign and domestic researchers. The region is a picture in many respects distinctive from the rest of the world, with its views on political and cultural processes. Moreover, interest is strengthened in connection with the current international situation, in which the Oriental theater experiences absolutely new trends in social transformation, making attempts to accept or repel problems of contemporary phenomena. In this article, an attempt is made to explicate examples of modification, obstruction or stagnation in the political systems of the states of the region. Therefore, we are faced with the question: Are the movements in the Middle East by the reaction of the Arab world to external factors, or are states experiencing a natural evolutionary transition?

The Middle East is a region with a huge historical past and cultural heritage. It is here that three world religions arose; therefore its distinctive feature is the inseparable link between religion and political activity. Since Islam is a young religious movement, political transformation began in the region not so long ago, if compared with the Western civilization, where the social crisis occurred during the reform period, after which development took several centuries, affecting the historical, philosophical, political and public spheres.

A particular transformation swept the region during the mid-twentieth and early twenty-first centuries, when it was necessary for local governments, under different conditions, to take a course for the reorganization of society. Such restructuring takes place in each of the Middle Eastern countries in its own way, and therefore there are several options:

1) religious dogmas are gradually pushed aside, there is liberation and a slow transition to secular society;

2) the value of human life rises to a solid foundation, religion is a spiritual combination of personal and public consciousness;

3) religion becomes the main source of preserving the human good, a return to the roots occurs, democratic ideas cause repulsion, which leads to a radicalization of the external and internal political course.

Today, the political situation in this region is a variety, which has contributed too many factors: the colonial past, the ongoing Middle East conflict and the impact of Westernization. The latter factor, in turn, led to the fact that it caused the opposite effect, which led many countries to return to the ideas of fundamentalism. And this is not surprising, since any society should it gradually chew on the historical and social changes, realize and desire them. If such ideas accept the imposition, they are rejected, possibly acquiring a more aggressive form.

An example of a state that has come to a religious origin can be the Islamic Republic of Iran. After World War II, this country was actively modernized, reformed and de-Islamized. Such a policy entailed an anti-government direction, as it caused a great mistrust of the society. Taking advantage of the right moment, the Islamic opposition began the Islamic revolution in 1979, as a result of which the dreams of a new secular model failed. As a result, modern Iran is a theocratic state in which religion acts as a *raison d'être* and defines the formation of a political system.

In contrast to Iran, Turkey's historical development took place, presenting a unique example in the area of social transformation. This country, which has a strong imperial past and a strong religious and ideological base, dramatically changed its political structure in the 1920s. The Institute of Panislam Unity and the Caliphate were abolished, and the creation of a secular state began [1, p.151]. Such phenomena as the movement for the adoption of an entirely new development model are exceptional in Arab history. For Turkey, the political vector of modernization was, first of all, connected with the search for adequate ways of socio-economic and political development, preservation of cultural identity and self-identification. Such specific historical development and civilizational features determined the specificity of its political system. This update touched upon all spheres of the life of the Turkish people, although in the 1990s, unsuccessful attempts were made to return religion to the political order. Residents of this country are so used to life, in which the theological side of the issue is only a spiritual manifestation, that any government efforts to take a course toward conservative reconstruction can lead to its overthrow. In addition, a more positive attitude is also due to the fact that Turkish citizens dream of joining the European Union, which gives many opportunities for economic prosperity.

The pessimistic situation is modern Syria, where a civil war is actively taking place. The Syrian crisis has become a major problem affecting the

entire international community. The definition of the political situation here takes the form of a difficult task, since the parties to the civil conflict are not only the government and the opposition, but also various kinds of terrorist groups, the most radical of which are ISIS and JabhatanNusra. The latter are an example of strengthening the position of Islamism, taking as a basis for the ideas of fundamentalism and extremism, turning into an act of terrorism. Such factions manage to control the conquered territories, which creates a serious problem for the settlement of the crisis and to follow the concrete path of political development.

In North Africa, in the Maghreb countries, political modernization has had a significant impact on Islam and contributed to the secularization of society. In Tunisia, the result of modernization was a departure from the religious model of the state and the transition to a democratic one. The country adopted a democratic Constitution, the provisions of which did not differ in any way from the laws and regulations of a number of European states. As a result of social reforms, Sharia courts were banned.

Then in the 90s of the 20th century, the growth of Islamic organizations and parties began in Tunisia. It should be noted that the Tunisian leadership managed to integrate part of the moderate Islamists into the state-political system. At the initiative of the President of Tunisia, the “National Pact” was signed, which emphasized Tunisia’s ownership of Islamic civilization, but at the same time all democratic reforms and the “Civil Status Code” were confirmed. For a long time, a multi-party system operated in Tunisia. At the beginning of the XXI century the wave of Arab revolutions also affected Tunisia.

The coming to power of Islamic parties of moderate and radical persuasion at the beginning of the XXI century marked new tendencies of political modernization in the Islamic world. First, religious parties attempted to create a coalition government, which included both secular and religious parties. Secondly, the result of political modernization is the alternate dominance in the domestic political process of moderate, democratic Islamic parties, then radical Islamic parties. The third trend is the active political confrontation between religious and secular parties and the striving of religious parties for total domination.

During the Cold War, the territory was the scene of a clash of two blocs headed by the USSR and the US, the disagreements between which represented the main threat to security for the Middle Eastern countries. But the collapse of the bipolar order of international relations has led to a change in the course of political processes in the region, and the role of internal participants has increased dramatically [2]. This situation has led to aggravation of various conflicts, the bloodiest of which can be identified

wars in the Persian Gulf and the war in Iraq, which have postponed their imprint on the further political course.

The appearance of external actors in order to resolve crisis situations led to the subsequent destabilization of the region and, consequently, to the rejection of democratic ideas as the main component of future development. Liberal principles began to be perceived as external pressure, as a special form of exploitation and subordination, which could result in the emergence of a controlling hegemon and the loss of its cultural and territorial identity. In these conditions, the region takes an intensified development of the form of the political system, based on religious dogmas, in such states as Saudi Arabia, Iran, Sudan, etc. [3].

The situation is aggravated by the fact that throughout the post-war period of the history of the Middle East the Arab-Israeli conflict has affected. The creation of the State of Israel and the subsequent crisis with the Palestinian refugees has brought a grim trace in the memory of the Arab people. Moreover, not confidence in modernized ideas was prompted by the fact that during the Yom Kippur War, Israel was supported by the leading Western states. After the subsequent oil crisis, in which the Middle Eastern countries found themselves in a favorable position, the religious spirit in political activity gained strong positions.

Therefore, today local governments see in religion a path of development and stability, a way of maintaining unity, and the younger generation the image of an ideal world and a prosperous future. This same generation, often becomes a moving object, those who, under the cover of faith, use them in achieving their political ambitions. Such a policy manifests itself in different ways and ways, and on its basis there are organizations that radicalize religious teachings, the purpose of which is to redistribute the political situation in the Middle East as a whole.

As mentioned above, the Middle East is a subject of interest for political scientists, specialists in international relations, historians, etc. The interest is predetermined not only by the fact that the region has a historical heritage, but also by the fact that it is geopolitical, since the main oil exporters - Iran, Iraq, Saudi Arabia, Qatar, etc. are concentrated here. In addition to this, the current migration crisis, a wave of uprisings and protests in the Arab Spring, reinforce the study of this region and its political systems.

In the XXI century, as a result of mass demonstrations, the statehood of several Middle Eastern countries began to collapse. The scientific director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Vitaly Naumkin and his colleagues emphasize the existence of internal causes that caused these changes [4]. They note that the destruction of the states of the Middle East is primarily connected with internal causes -

political, economic, cultural and civilizational. At the same time, they point to the existence of certain external processes, although they do not specify this relationship [5].

REFERENCES

- 1 Киссинджер Г. Мировой порядок. – М., 2014 – 511 с.
- 2 Страны Ближнего и Среднего Востока после окончания Второй Мировой войны [Electronic resource]. - Access mode URL: http://uclg.ru/education/zarubeznaya_istoriya/lecture_stranyi_blijnego_i_srednego_vostoka_posle_okonchaniya_vtoroy_mirovoy_voynyi.html - (Accessed 28.09.2017)
- 3 Facts about religious hostilities in the Middle East and North Africa [Electronic resource]. - Access mode URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/07/07/6-facts-about-religious-hostilities-in-the-middle-east-and-north-africa/> - (Accessed 28.09.2017)
- 4 Rózsa, Erzsébet N. The Arab Spring. Its Impact on the Region and on the Middle East Conference // Policy brief for the Middle East conference on a wmd/dvs free zone. – 2012. - 20 p.
- 5 Алиев А.К. Modern problems of ethno confessional organizations in the Middle East//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международное Отношения и Регионоведения». - №1(19). – 2015. – С.97-101.

ТАЯУ ШЫҒЫСТАҒЫ САЯСИ ЖҮЙЕНІҢ ӨЗГЕРУІ

Галаган М.¹

¹Абылай хан атындағы КазХКжәнеӘТУ магистранты, Халықаралық қатынастар мамандығы, 1 курс, Алматы, Қазақстан
e.mail: escaper.mv@gmail.com

Мақалада Жақын Шығыстың әлеуметтік саясаты, қазіргі уақытта орыналған өзгерістері арастырылады және осы аймақ трансформациялар әлемдік саясатқа деген қатынасы туралы ақпарат берілген.

Тірек сөздер: трансформация, саясаттық жүйе, ислаимизм, секуляризм, фундаментализм, реорганизация.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Галаган М.¹

¹Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана
Специальность «6МО20200-Международные отношения»
Алматы, Казахстан
E-mail: escaper.mv@gmail.com

В статье рассматриваются политические системы Ближнего Востока и какие изменения произошли в нынешних реалиях. Влияние этих трансформаций и их последствия для региона и на мировую политику в данное время.

Ключевые слова: трансформация, политическая система, ислаимизм, секуляризм, фундаментализм, реорганизация.

Статья поступила 20.09.2017

ANALYSIS OF THE COVERAGE OF ISSUES OF THE WORLD POLITICS, INTERNATIONAL RELATIONS IN SPECIAL PUBLICATIONS

Kubashev A.E.¹

¹Master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
Specialty International Relations,
Almaty, Kazakhstan

Analysis of the coverage of issues of the world politics of international relations in special publications will be studied from different angles. I will try to give a detailed description of how similar profile special publications enjoy wide influence and authority in the world, why their opinion is so important in terms of covering world politics. How much their editorial policy is sovereign and independent of national governments will also be clarified by me in my thesis. Informational stuffing and deliberate misinformation, agitation and propaganda, the creation of certain images will also be described by me in my thesis.

Keywords: profile editions, editorial policy, misinformation, information warfare, stereotypes and escalation of militarism.

УДК 27

МРНТИ 19.45:91

АНАЛИЗ ОСВЕЩЕНИЯ ВОПРОСОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ИЗДАНИЯХ

Кубашев А.Е.¹

¹Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана
Специальность «6МО20200-Международные отношения»
Алматы, Казахстан

Анализ освещения вопросов мировой политики международных отношений в специальных изданиях будет изучен с разных сторон. Я постараюсь дать подробное описание, насколько подобные профильные специальные издания пользуются широким влиянием и авторитетом в мире, почему их мнение так важно в плане освещения мировой политики. Насколько их редакционная политика суверенна и независима от национальных правительств также будет выяснено мной в моей диссертации. Информационные взбросы и сознательная дезинформация, агитация и пропаганда, создание определенных образов также будет описана мной в моей диссертации.

Ключевые слова: профильные издания, редакционная политика, дезинформация, информационная война, стереотипы, нагнетание милитаризма.

В своей теме, касаясь освещения вопросов мировой политики и геополитики в международных профильных изданиях, я бы хотел обратить внимание на несколько факторов. Нужно принимать во внимание различные пиар технологии, различную степень ангажированности тех или иных СМИ, освещающих какой-либо вопрос из области глобальной мировой геополитики. Главной особенностью международных отношений является отсутствие в них единого центрального ядра власти и управления. Они строятся на

принципе полицентризма и полииерархии. Поэтому в международных отношениях большую роль играют стихийные процессы и субъективные факторы.

Международные отношения - это совокупность экономических, политических, правовых, идеологических, дипломатических, военных, культурных и других связей и взаимоотношений между субъектами, действующими на мировой арене. Независимые государства не развиваются в вакууме, они взаимодействуют друг с другом и выступают субъектами политики более высокого уровня - мировой политики. То есть государства действуют в сфере международных отношений [1].

Международные отношения выступают тем пространством, на котором сталкиваются и взаимодействуют на разном уровне (глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем) различные силы: государственные, военные, экономические, политические, общественные и интеллектуальные.

Прежде всего, следует помнить о том, что СМИ – это ключевая аудитория, с которой нужно установить коммуникацию. Основа взаимоотношений со СМИ – формирование постоянного информационного потока. И даже если речь идет о зарубежной аудитории – формирование этого потока в первую очередь внутри страны, поскольку у зарубежных СМИ источниками информации будут и национальные медиа. Поэтому одна из главных целевых групп – работающие в данной стране и с информацией о данной стране иностранные журналисты. Следует систематически находить информационные поводы, которые позволят непрерывно формировать информационный поток. Для этого нужно предоставлять как можно больше сведений о стране. Многие ее преимущества зачастую воспринимаются собственными гражданами «само собой разумеющимся», и не считается необходимым специально информировать о них зарубежные аудитории. Также будет очень интересно узнать, как возможно использовать черный пиар, очернять или искусственно возвеличивать отдельно взятых политиков, или даже целые страны.

Те же, крайне влиятельные издания, такие как Economist, Washington Post, New York Times, в последнее время и к таким солидным изданиям есть множество вопросов касательно их объективности и независимости редакционной политики. К примеру, взять последние выборы президента в Америке. СМИ, несмотря на их обязанности по беспристрастному освещению ходов предвыборной кампании и самих

выборов, явно не были совсем уж беспристрастными. Было отчетливо видно, что все ведущие издания явно агитируют за кандидата от Демократической партии, пытаясь выставлять все, что связано с демократическим кандидатом в более выгодном тоне [2]. Кандидат же от Республиканской партии был подвергнут значительному давлению со стороны СМИ, которые не брезговали применением различных пиар-технологий по очернению кандидата от Республиканцев. Со стороны СМИ было выдвинуто множество обвинений, как в расизме, так и в сексизме и делением людей по социальным классам. В ответ медиа упрекались в том, что идет сознательная информационная кампания по дискредитации одного из основных кандидатов, идет сознательная дезинформация собственных зрителей и сознательное введение в заблуждение со стороны ведущих СМИ, налицо открытая и явная агитация. В результате таких взаимных обвинений, прошедшие выборы президента США были беспрецедентными по количеству различного рода скандалов, по взаимным обвинениям и различным информационным вбросам. Этот негатив продолжился далее, так как президентом США стал Трамп, и его война с национальными СМИ стала только набирать обороты.

Насколько объективны, или наоборот необъективны, оказались те или иные медиа, постоянные информационные вбросы с целью дезинформации собственных зрителей также должны изучаться внимательнейшим образом. Очень активно работают различные НПО и НКО, у них также есть достаточно большое влияние на информационную повестку в СМИ, их активное участие в мировых процессах и роль в информационной повестке должна учитываться и быть принята во внимание. Нельзя обойти стороной затянувшееся противостояние Российской Федерации с коллективным Западом, нужно будет обратить особое внимание на то, насколько большую роль играют медиа в данном противостоянии. В реалиях сегодняшнего дня, оказалось, что не только экономика, как локальная, так и мировая, очень зависима от политической конъюнктуры, но и независимые СМИ, которые на поверку оказались не такими уж и независимыми. Насколько государство влияет на информационную повестку отдельно взятых медиа, сейчас очень активно обсуждается взятие и просторов интернета под государственный контроль, о чем уже открыто заявили, к примеру, в Китае, где правительство вплотную занялось этим вопросом. Насколько ангажированы СМИ, связанные с государственными структурами, как это влияет на их освещение той или иной информации. Как подогреваются различные стереотипы и

фобии времён холодной войны, как идет милитаризация общества и нагнетание истерии с обеих сторон [3].

На сегодняшний день в американских международных исследованиях сложился блок литературы, посвященной теоретическому осмыслению таких проблем, как политика в условиях международных экономических кризисов, международная экономическая интеграция и судьба национального государства, национальные интересы в рамках международных экономических режимов, международное сотрудничество в условиях квазианархичности международных отношений и др. Этому посвящены труды С. Гилла, Дж. Голдстейна, Ст. Хоффмана, К. Кнора, Ст. Краснера, О. Янга, Дж. Рагги, работы Ч. Киндлбергера, Р. Гилпина.

К исторической проблематике тесно примыкает тема, неизменно вызывающая интерес исследователей, - теория и практика гегемонистской стабильности. Гегемония США в мире - тема, принижающая все американские политико-экономические исследования. Среди специальных трудов по этой тематике необходимо выделить ключевую работу Стефана Краснера.

Еще одним направлением американских исследований являются процессы глобализации. В американской литературе эта тема сильно пересекается с темой транснациональных корпораций. Заметим, что такое своеобразное видение глобализации вполне объяснимо для Соединенных Штатов, чьи ТНК возглавляют список наиболее могущественных корпораций мира [4].

Уровень работы СМИ все более важен в сегодняшних реалиях, многие страны воспринимают это даже как потенциальную военную угрозу. В той же России, к основным внешним военным опасностям относят использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления противоречащих международному праву действий, направленных против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности государства. Под такими лозунгами, местное руководство планирует всерьез ограничить права граждан в интернет, взят под контроль государства и просторы интернета. Этим уже активно занимается тот же Китай и многие страны Ближнего Востока. Но и западные информагентства далеко не безупречны, порой открыто ведется сознательная пропагандистская деятельность, направленная против многих стран мира, особенно активны попытки испортить имидж России в мире. Согласно данным Google Trends, наибольший интерес к России зарубежные медиа сформировали у жителей США, Канады, Австралии, Прибалтики, Польши, Великобритании, Италии,

Португалии – что косвенно свидетельствует об эффективности информационных атак. Удар по репутации России ожидаемо затруднил международные взаимодействия, что отчасти поспособствовало ухудшению инвестиционного климата, увеличению оттока капитала, уходу из страны иностранных компаний [5].

Касаемо примеров нашей страны, хотелось обратить особое внимание на освещение вопросов потенциального вмешательства правительства Казахстана в президентские выборы в Кыргызстане. Та же истерия по поводу встречи президента РК с одним из кандидатов в президенты, хотя на самом деле президент Казахстана встречался с обоими кандидатами. Но шумиха была поднята только по одному конкретному вопросу встречи Назарбаева с Бабановым.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Адорно Т. Коммуникация как средство информационно-психологического воздействия: Пер. с нем. - М., 1993. – 214 с.
- 2 Антонов В.И., Ямцилова З.С. Проблема стереотипов как один из барьеров в контексте коммуникации культур // Россия и Запад: Диалог культур. - Вып.7. - М., 1999. – 345 с.
- 3 Березкина О.П. Политический имидж в современной политической культуре: дисс.... докт. полит. наук. - СПб., 1999. - 374 с.
- 4 Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. – М.: УРСС, 2000. – 254 с.
- 5 Шотанова Г.А., Блашова Н.Д. СМИ как источник для изучения проблем Ближнего Востока//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия МО и Регионоведения. - №1(23). – 2016. – С.102-106.

АРНАЙЫ БАСЫЛЫМДАРДА ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ӘЛЕМДІК САЯСАТ МӘСЕЛЕЛЕРІН ҚАМТУДЫ ТАЛДАУ

Кубашев А.Е.¹

¹Абылай хан атындағы КазХКжәнеӘТУ магистранты, Халықаралық қатынастар мамандығы, 1 курс, Алматы, Қазақстан

Арнайы басылымдарда халықаралық қатынастардың әлемдік саясат мәселелерін қамтуды талдау әр түрлі бұрыштардан зерттеледі. Мен осындай профильдік арнайы басылымдардың дүние жүзіндегі кең ауқымды ықпалы мен беделін қаншалықты пайдаланатынын, неге олардың пікірін әлемдік саясатты жабу тұрғысынан соншалықты маңызды екенін толық сипаттауға тырысамын. Редакциялық саясат егеменді және ұлттық үкіметтерден тәуелсіздігін, менің кандидаттық диссертациямда да түсіндіріледі. Ақпараттық толтыру және қасақана жалған ақпарат тарату, үгіттеу және насихаттау, белгілі бір бейнелерді жасау да өзімнің диссертациямда сипатталаймын.

Тірек сөздер: бейресми басылымдар, редакциялық саясат, ақпараттық соғыс, стереотиптер, милитаризмнің өршуі.

Статья поступила 08.09.2017

UDC 327(510)
IRSTI 23.37

“SOFT POWER” AS A TOOL OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC DIPLOMACY OF KAZAKHSTAN

Raev D.S.¹, Sagynay D.²

¹Doctor of Philosophy, professor,
Dean of the Faculty of International Relations, Kazakh Ablai Khan UIRandWL, Almaty,
Kazakhstan, E-mail: raev_53@mail.ru

²MA 1-year, Specialty “International Relations”,
Kazakh Ablai Khan UIRandWL, Almaty, Kazakhstan,

The article deals with the implementation of public diplomacy in the Republic of Kazakhstan through “soft power”. Nowadays strengthens the role of non-military methods and information technologies in the foreign policy of states. Providing the growing role of the image of the state and other actors of international relations in the political process is increasing scientific interest in the problem of image formation by means of public diplomacy. Public diplomacy is linked to the «soft power» of the state. As stated Joseph Nye “soft power” has three sources: culture, values and political activities. Public diplomacy involves the establishment of long-term relationships, creating favorable conditions for public policy. Public diplomacy defends national interests and ensures national security through the study of attitudes of foreign public opinion, informing him and the impact on those who view it generates.

Keywords: public diplomacy, «soft power», foreign policy, image of the state, formation of the image, culture, values, long-term relationships, national interests.

In modern international relations, the concept of traditional diplomacy is being transformed, which means that some researchers have to abandon the traditional concept of science, which deals with relations between diplomatic states and their leaders. Public diplomacy emerged as a form of response to global challenges and threats, to the emergence of a new world order, to the course of domestic political development. It was born and received recognition in the era of globalization, civilization shifts, profound changes that occurred in the world, including in the psychological attitudes of people. In the political science of the generally accepted definition of the concept of “nations’ diplomacy” does not yet exist. For its designation is often used another term - “public diplomacy. “When analyzing Kazakhstan’s initiatives through the prism of the concept of “soft power” J. Nye, it is important to take into account the context and origin of the term, which is westernized and developed, primarily, from the point of view of democratic regimes. In addition, J. Nye first introduced the term “soft power” into circulation in 1990 in the book “Limits of Leadership: Changes in the Nature of American Power” under an entirely different geopolitical situation in the world. “Soft power,” according to Nye’s concept, is “the ability to make the goals of one country seems attractive to another” [1]. “Soft power” is “the

ability of states to attract others to their side, seeking to support their own agenda in international relations by demonstrating their cultural and moral values of the attractiveness of the political course and the effectiveness of political institutions.”

It should be noted that various methods of influencing the mind, methods of non-violent processing of power and other groups have long been known. However, the emergence of a slender, not so much a scientific, as a purely practical concept of soft power is associated with the name of Joseph Samuel Nye, a professor at the Public School of the name. J. Kennedy at Harvard University, a member of the American Academy of Arts and Sciences and the Diplomatic Academy. The main achievement of Nye’s was not only a concentrated and capacious description of the nature and meaning of the “soft power” that played a role in the Cold War, but also the definition of its capabilities, which in the 21st century, the age of information technology and cognitive wars, are truly unlimited.

Soft power” is traditionally seen as an addition to the “tough” military power of states: it is impossible to deny it is relevant for any state in the modern world. It seems that with proper positioning in the global arena, a country can achieve several advantages at once. “Soft power” allows countries in an era of complex interdependence to achieve their foreign policy objectives more effectively by attracting than by removing them.

Meanwhile, the concept of “soft power” is characterized by the absence of strict and rigid frameworks [2]. This makes it possible for each country developing its “soft power” to bring its own foreign policy experience and features of political and cultural traditions into the concept and interpretation of “soft power”.

This strategy includes such instruments of positioning the country in the international arena, as exporting education, promoting the language and disseminating national cultural values. Also, the tools of “soft power” include communication, including information technology and especially the Internet, NGOs, diplomatic missions, cultural, scientific and educational centers and large-scale events such as the Olympic Games, EXPO etc.

“Soft power” as an instrument of influence is especially intensively used in the 21st century, although the reasons that encourage states to address it are different. For the United States, the September 11, 2001, terrorist attacks were a turning point. The Americans faced the challenge of forming a positive image of their country abroad, primarily in the Muslim world. Somewhat later, Russia, although without such dramatic events, set itself a similar goal - the formation of a positive image of the country abroad.

As a result, the Russian Mir Foundation was created, the Dmitry Public Diplomacy Foundation. A.M. Gorchakov, and “Rus-cooperation”, whose task was to maintain and disseminate the Russian language, the development of public diplomacy work with compatriots, etc. The Confucius Institute, which is also active in its own country, shows that our neighbor in the People’s Republic of China also does not dwell on popular diplomacy with politicians and researchers, not only in words but also in practice. Leading states of the European Union, such as Germany and France, were able to analyze public diplomacy not only from the theoretical point of view, but also throughout the world for many years with the help of Goethe institutions and French unions that promote their reputation and authority.

In turn, Kazakhstan is taking measures that also have certain attractiveness. Our country is located in the steppes, where, as the well-known writer Chingiz Aitmatov wrote, “The day lasts for more than a century”. This is a country whose economy is similar in its specialization to the Russian one: oil products and raw materials account for 91% of exports. The “soft power” of Kazakhstan lies in its transcontinental position; it is at the junction of the most ancient civilizations of the East and West and in history was called upon to play the role of a link between them. Therefore, in the field of higher education, an international scholarship of the President of the Republic of Kazakhstan “Bolashak” is interesting, which allows Kazakhstani citizens to obtain higher education abroad [3]. An obligatory condition for receiving this scholarship is the successful completion of studies and further work in Kazakhstan. Also in Astana, at the initiative of the president, the Nazarbayev’s University was opened, teaching in which is conducted in English by teachers from leading universities in the world. Finally, in accordance with article 5, paragraph 2 of the Law of the Republic of Kazakhstan on Education, “all educational institutions, regardless of the form of ownership, should ensure the knowledge and development of the Kazakh language as a state language, as well as the study of the Russian language and one of the foreign languages in accordance with the state compulsory standard for each level of education” [4]. Such initiatives of Kazakhstan, as well as its economic growth, can be attractive not only for the countries of the region, but also for many other states, that is, they have “soft power”. However, Kazakhstan has not yet clearly expressed the strategy of “soft power” formulated in the concept of Kazakhstan’s foreign policy. The use of “tensile strength” in the Republic of Kazakhstan through public diplomacy is not systematically eliminated. Therefore, one of the topical issues is the formation of a system mechanism for studying the

concepts of “extensibility” and “public diplomacy”, “collective diplomacy” for our country.

In multiethnic Kazakhstan, the Assembly of the People of Kazakhstan, created with the goal of preserving internal unity and diversity, set out the work on the transformation of ethno-cultural associations, in particular the international community, into the main institutions of dialogue with other states. Without a doubt, this is a key element of “soft power” for influence on the public diplomatic.

The Assembly of the People of Kazakhstan is an institution that promotes the development and implementation of national policies. However, if we take a closer look at the Assembly’s laws and regulations on the Assembly, the specific tasks of the Assembly include its external objectives:

1. propaganda of the Kazakhstan model of interethnic and interreligious harmony in the country and abroad;
2. preservation and development of the Kazakh Diaspora abroad in matters of preserving and developing the native language, culture and national traditions, strengthening its ties with the historical Motherland;
3. promotes interethnic tolerance and community engagement in the country and abroad
4. interaction with civil society institutions and international organizations on inter-ethnic and inter-religious consensus [5].

Ethno-cultural associations of the Assembly of the people of Kazakhstan are recognized as a special type of activity. First of all, cultural and spiritual support of civilization on the territory of Kazakhstan. Secondly, in the role of the Diaspora as a state. This gives rise to the development of public diplomacy of their homeland, which means that through these associations of ethos’s we can get the culture of the ethnos, live information in a specific country and expand our spiritual, cultural and scientific endeavors.

The formation of a positive image of the state, as is known, is one of the factors improving its investment attractiveness. Today almost all countries of the world allocate considerable funds for the promotion and maintenance of their international image, which is an important component of the so-called “soft power” in foreign policy. Information and image work is a part of our agency’s daily activities, the so-called “public diplomacy” [6]. It is aimed at consolidating existing and forming new positive trends in Kazakhstan’s perception on the international arena in general and in selected foreign countries, in particular.

This work is coordinated by the Committee for International Information of the Ministry of Foreign Affairs, and its main goals are the following:

consolidating the image of Kazakhstan as a country with a dynamically developing economy, a favorable investment and business climate, and a stable political and social system. And also as a country promoting significant international initiatives that contribute to global and regional security. With the support of our diplomatic missions, cultural centers are being opened; the activities of Kazakh Diasporas living abroad are becoming more active. So, last year, together with the European Association of Kazakhs in Berlin, another small Kazakh “kurultai” was organized with the participation of ethnic Diasporas from Great Britain, France, Germany, Hungary, Austria, Switzerland, Sweden, Denmark, Norway, the Netherlands and Turkey.

Another, mechanism of “soft power” for providing Public diplomacy and formation of image abroad for our country is EXPO-2017.

Politically, EXPO-2017 has become one of the major factors in Kazakhstan’s foreign policy. «EXPO is the soft power of Kazakhstan, developing exhibition infrastructure, culture, communication, Kazakhstan significantly improves its image and actively integrates into world processes. The four main objectives of the modern “soft power” by organizing the Expo for both the state and the region:

1. Raising awareness of the country / region;
2. Formation of positive ideas about the country / region and their values, ensuring understanding of prevailing ideas and views;
3. attraction of people to the country / region for tourism and study, promotion of local goods abroad;
4. Attracting foreign investment and political allies [7].

On November 22, 2012, in Paris, at the 152nd session of the General Assembly of the International Bureau of Exhibitions (IBE), by secret ballot, 148 states defined the city for the international exhibition EXPO-2017. They became the capital of Kazakhstan, Astana.

This was the first international exhibition to be held in the CIS and Central Asia. The holding of EXPO-2017 will serve as an additional stimulus for the economic and infrastructure development of the country and its capital, which in 2017 marks the 20th anniversary. The President, in essence, formulates the role of EXPO as an image project, an instrument of soft power in the foreign policy of the Republic of Kazakhstan. He notes that: “Exhibitions EXPO”, which has a long history, is held to demonstrate technical and technological achievements, as well as the history, traditions and culture of participating countries. They are the biggest events, attracting the attention of the world community and millions of visitors. In addition, the exhibitions “Expo” serve as a place for the formation of new trends

of economic, social, cultural development “ [8]. During the exhibition, 2 million 265 thousand people visited. The international specialized exhibition “Astana EXPO-2017” was highly appreciated among visitors and positive feedback from specialists from around the world. The theme “Energy of the future” meets the world trend on the need for a gradual transition to renewable energy sources, the best developments in the field of green technologies were successfully demonstrated at EXPO-2017. As a result, EXPO exhibition is another way of “soft power” to create a positive image of our country among the states, in the aim of providing public diplomacy in order to enhance the role of the our state. Therefore, Kazakhstan, when conducting the EXPO, intends to send a signal to the surrounding world that the country has passed a very large path of development during 25 years of independence. “The organization of the international exhibition EXPO-2017 demonstrated all the achievements of independent Kazakhstan”.

Public diplomacy has enormous significance and influences both in the foreign and domestic policies of states. In both cases, in addition to organizational and financial, we are dealing with human resources. This is most important, because in this way public diplomacy fulfills its main mission, especially with regard to youth. Today it became obvious that public diplomacy is capable of influencing official diplomatic activity, and also becoming an instrument for the formation of state institutions, forms of state activity [9]. Therefore, formation of the positive image on the international arena, providing “soft power” as a tool of generating public diplomacy within and abroad country worth all efforts. The need to improve the Association, exhibitions, formation of the positive image of our country and/or providing more scholarships for education, developing and broadcasting of our culture, values and national identity as a mechanism for implementing public diplomacy of the state should be relevant, as a result, through all these methods above to promote and disseminate our country to a foreign audience and to achieve solidarity and recognition of the community.

REFERENCES

- 1 Nye J. Soft Power: the Means to Success in World Politics. - New York: Public Affairs, 2004. - 192 p.
- 2 Fan Ying. Soft power: Power of attraction or confusion? Place Branding and Public Diplomacy. - Palgrave Macmillan 2007. - V. 4,2. - PP.147-158.
- 3 Center for International Programs of the Republic of Kazakhstan. International Scholarship of the President of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.bolashak.gov.kz/ru/o-stipendii/istoriya-razvitiya.html> - (Accessed 27.08.2017).
- 4 The Law of the Republic of Kazakhstan on Education of 15.05.2013 [Electronic

resource]. - Access mode: <http://edualmaty.kz/ru/normativnyye-dokumenty/normativnyye-dokumenty-dlya-tipo> - (Accessed 27.08.2017).

5 Law of the Republic of Kazakhstan on «The assembly of the people of Kazakhstan» of 20.10.2008 [Electronic resource]. - Access mode: <http://online.zakon.kz>. - (Accessed 28.09.2017).

6. Conception of «Social modernization of Kazakhstan: Twenty Steps to the Society of General Labor» of 10.10.2012 [Electronic resource]. - Access mode: http://www.inform.kz/ru/social-naya-modernizaciya-kazahstana-dvadcat-shagov-k-obschestvu-vseobschego-truda_a2478336 - (Accessed 28.09.2017).

7. Фоминых А.Е. Экспо-дипломатия: пропаганда и national branding в 21 веке // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия»: материалы конгресса, 22–24 ноября 2012 г. – М., 2012. – С. 480.

8. Site of the President of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. - Access mode: http://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign - (Accessed 28.09.2017).

9 Абдикеримов К.Е., Сарсенов М.Б. Умная сила как сочетание мягкой и жесткой силы в дипломатии//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международное Отношения и Регионоведения» - №3(21). – 2015. – С.95-110.

«ЖҰМСАҚ КҮШ» - ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАРИЯ ДИПЛОМАТИЯНЫ ЖҰЗЕГЕ АСЫРУ МЕХАНИЗІМІ РЕТІНДЕ

Раев Д.С.¹, Сағынай Д.²

¹филос.ғ.д., профессор, Халықаралық қатынастар факультетінің деканы,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,

E-mail: raev_53@mail.ru

²Абылай хан ҚазХҚжӘТУ магистранты
Мамандық «6М020200 – Халықаралық қатынастар»
Алматы, Қазақстан

Мақала Қазақстан Республикасында «жұмсақ күш» арқылы қоғамдық дипломатияны жүзеге асырумен байланысты. Қазіргі уақытта мемлекеттердің сыртқы саясатында әскери емес әдістер мен ақпараттық технологиялардың рөлі күшейді. Мемлекеттің және басқа да халықаралық қатынастардың субъектілерінің имиджінің саяси процестегі өсіп келе жатқан рөлін қамтамасыз ету, жария дипломатия арқылы имиджді қалыптастыру проблемасына ғылыми қызығушылықты арттырады. Жария дипломатия мемлекеттің «жұмсақ күшімен» байланысты. Джозеф Найдун айтуынша, «жұмсақ күш» үш көзге ие: мәдениет, құндылықтар және саяси белсенділік. Жария дипломатия ұзақ мерзімді қатынастарды орнатуды, мемлекеттік саясат үшін қолайлы жағдайлар жасауды көздейді. Жария дипломатия ұлттық мүдделерді қорғайды және сыртқы қоғамдық пікірдің көзқарасын зерделеу арқылы, ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етеді, оны ақпараттандырады және оны қарайтын адамдарға әсер етеді.

Тірек сөздер: жария дипломатия, «жұмсақ күш», сыртқы саясат, мемлекеттің имиджі, имиджді қалыптастыру, мәдениет, құндылықтар, ұзақ мерзімді қатынастар, ұлттық мүдде.

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАЗАХСТАНА

Раев Д.С.¹, Сагынай Д.²

¹ доктор философских наук, профессор

Декан факультета международных отношений

КазУМОиМЯ им. Абылай хана, raev_53@mail.ru

²магистрант 1-курса специальности Международные отношения,

КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

В статье рассматривается реализация публичной дипломатии в Республике Казахстан посредством «мягкой силы». В настоящее время, укрепляется роль невоенных методов и информационных технологий во внешней политике государств. Обеспечение растущей роли образа (имиджа) государства и других субъектов международных отношений в политическом процессе повышает научный интерес к проблеме формирования образов посредством публичной дипломатии. Публичная дипломатия связана с «мягкой силой» государства. Как заявил Джозеф Най, «мягкая сила» имеет три источника: культуру, ценности и политическую деятельность.

Публичная дипломатия предполагает установление долгосрочных отношений, создание благоприятных условий для государственной политики. Общественная дипломатия защищает национальные интересы и обеспечивает национальную безопасность посредством изучения взглядов внешнего общественного мнения, информирования и влияния на тех, кто его рассматривает.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», внешняя политика, образ государства, формирование имиджа, культура, ценности, долгосрочные отношения, национальные интересы.

Статья поступила 28.09.2017

UDC 327+339.923

IRSTI 11.25.91

EUROPEAN UNION AND CENTRAL ASIA: HORIZONS OF COOPERATION - NEW CHALLENGES AND NEW DIMENSIONS (DEVELOPMENT OF AN ACTION PLAN)

Seitova A.¹

¹ Master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL

Speciality "6M020200-International Relations"

Almaty, Kazakhstan

E-mail: ainuraserzhan@gmail.com

The article is dedicated to defining of European Union (EU) strategy towards Central Asia and their bilateral long-term cooperation. Particular importance is clarifying the areas in which EU is giving aid to Central Asia and identifying "The EU Strategy for a New Partnership" role in cooperation with Central Asia.

Keywords: European Union, Central Asia, cooperation.

The EU is the oldest and most successful organization in unifying European countries. The EU is only union where most of the members have common currency (euro) and they are going to join by all new members when they have met the important criteria and has a common bank responsible for the euro and swelling control. Likewise, it has various defense, security and foreign policies and may even have a Constitution not long from now.

It exists two types of instruments by which the EU cooperate with Central Asia, first one is regulating by unilaterally instruments such as demarches, sanctions, declarations. Second one by bilateral instruments that are implemented to fostering relations between Central Asia and EU as EIDHR (European Instrument for Democracy and Human Rights) and TACIS (Technical Assistance to the Commonwealth of Independent States) regulated by PCAs (Partnership and Cooperation Agreements).

The common goal of achieving stability and prosperity by means of peaceful inter-action makes Europe and Central Asia partners for increased cooperation. The strong EU commitment towards its Eastern neighbours within the framework of the European Neighbourhood Policy will also bring Europe and Central Asia closer to each other, both in terms of political cooperation and economic development. The development and consolidation of stable, just and open societies, adhering to international norms, is essential to bring the partnership between the European Union and Central Asian States to full fruition. Good governance, the rule of law, human rights, democratisation, education and training are key areas where the EU is willing to share experience and expertise. The EU can offer experience in regional integration leading to political stability and prosperity. Lessons learnt from the political and economic transformation of Central and Eastern Europe can also be offered. With their rich traditions and centuries-old exchanges, the EU and Central Asia can contribute actively to the dialogue between civilizations [1].

Many challenges facing the globalised world affect Europe and Central Asia alike, and warrant a common response. Security questions and regional economic development require close cooperation of the EU with each Central Asian state, taking into account their geographical location, in particular with respect to Afghanistan, Pakistan and Iran. This applies i.a. to developments in the areas of border management, migration, the fight against organized crime and international terrorism, as well as human, drugs, and arms trafficking. The dependency of the EU on external energy sources and the need for a diversified energy supply policy in order to increase energy security open further perspectives for cooperation between the EU

and Central Asia. EU efforts to strengthen local energy markets will help to improve investment conditions, increase energy production and efficiency in Central Asia and diversify energy supply and distribution in the region.

The Strategy for a New Partnership between the EU and Central Asia now forms the general framework for the EU's relationship with Central Asia in all areas of cooperation. The strategy defines seven priority areas for cooperation: 1) human rights, rule of law, good governance and democratization; 2) youth and education; 3) economic development, trade and investment; 4) energy and transport; 5) environmental policies; 6) combating common threats; 7) intercultural dialogue. The PCAs between the EU and its partners planned to encourage the improvement of organized trade, and they can be viewed as a guide for the presentation of trade and economic-related approaches in the fields of current payments, goods, capital movement and services.

The EU Strategy aims at a balanced bilateral and regional approach. The EU will balance policy approaches in Central Asia according to the differing needs of every country and to the performance of each country. The EU will foster regional cooperation among Central Asian States and between Central Asian States and other regions. Bilateral cooperation will be of special importance. It will be strengthened to respond adequately to individual proposals brought forward by each of the five Central Asian States. It is essential to cooperate bilaterally on issues such as human rights, economic diversification, energy and other sectoral issues, including youth and education. The intensity of the cooperation will reflect the commitment to transition and reform of each country. A regional approach is suitable for tackling common regional challenges such as organised crime, human, drugs and arms trafficking, terrorism and non-proliferation issues, intercultural dialogue, energy, environmental pollution, water management, migration as well as border management and transport infrastructure.

In such manner the EU will participate with universal budgetary establishments, multilateral and provincial associations and organizations. The EU is set up to go into an open and useful discourse with territorial associations in Central Asia and to build up customary specially appointed contacts i.a. with EURASEC, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), CICA, CSTO, CAREC and CARICC.

The EU countries are net energy importers of fossil fuels because their indigenous fossil energy production is, by far, smaller than demand. The EU is importing about 80 per cent of crude oil, about 60 per cent of natural gas and about 40 per cent of coal consumed. Russia is the most important

energy supplier of the EU. The remaining imports stem from a multitude of supplier countries. Though energy imports of the EU are already fairly diversified and will be further diversifying as a consequence of increasing liquefied natural gas imports from Africa and the Middle East, many observers demand political steps in order to further broaden energy import diversification. “They believe that the availability of the energy resources of Central Asia would, in particular, considerably contribute to European energy security”.

The Central Asia has a large amount of energy resources, for the most part still undiscovered, and basically found in Uzbekistan, Turkmenistan and Kazakhstan. Fossil fuels cooperation is of key significance for EU and Central Asia too, so that’s why a key component of the EU Strategy for a new Partnership is.

As one of the world’s richest regions in hydrocarbons and natural gas, energy represents a key motivation for the EU’s strategic engagement in Central Asia. In particular, the five republics could become strategic partners to fulfill the EU’s energy needs. Diversifying the energy suppliers has become a high priority for all the Member States, in order to decrease the dependence on Russia after the 2006 and 2009 gas crises in Ukraine.

The EU’s principal objectives in relation to Central Asia are:

- The convergence of energy markets through the harmonization of the relevant legislative and regulatory frameworks;
- Enhancing the energy security of the Central Asian countries and the EU through closer cooperation;
- Supporting sustainable energy development, including the development of energy efficiency and renewable energy sources;
- Attracting investment for energy projects of common and regional interest.

The EU will support the exploration of new oil, gas and hydro-power resources and the upgrading of the existing energy infrastructure. To enhance EU security of energy supply, the EU will also support the development of additional pipeline routes and energy transportation networks. It will also contribute to regional energy security and cooperation, and widen export markets for Central Asian producers. The EU will lend political support and assistance to Central Asian countries in developing a new Caspian Sea - Black Sea – EU energy transport corridor. The EU will promote the creation of an integrated Central Asian energy market and will support public-private partnerships which encourage EU investment. Based on the objectives laid down in the Baku Initiative the EU will focus cooperation with Central

Asian States in particular on the following matters:

- Converging of energy markets on the basis of the EU internal energy market principles taking into account the particularities of the partner countries;
- Enhancing energy security by addressing the issues of energy exports/ imports, supply diversification, energy transit and energy demand;
- Transparency and capacity-building in statistics and in the governance of the energy sector;
- Supporting and enhancing technological cooperation between the EU and the Central Asian States in the energy sector;
- Supporting sustainable energy development, including the development of energy efficiency, renewable energy sources and demand side management;
- Attracting investment towards energy projects of common and regional interest.

The EU considers security and good governance to be key objectives in Central Asia. One of the key implications of the European Security Strategy is the need to “promote a ring of well governed countries to the East of the European Union”. In addition to this, the EU is committed by international conventions to supporting efforts in the fight against organized crime and terrorism, including the fight against the proliferation of weapons of mass destruction and their means of delivery. The Central Asian states are arranged between the world’s biggest illicit opium makers and the lucrative markets of Western Europe. They are situated in closeness to, the nations of the Golden Crescent (Iran, Afghanistan, Pakistan) and, by means of China, have entry to the nations of the Golden Triangle (Thailand, Burma, Laos), which are the world’s biggest makers of unlawful sedatives.

The EU strategy towards Central Asia has been an important area of interest in different academic and scientific circles since the beginning of the 21st century. However, Central Asian region is still less examined part of EU neighborhood policy. In this regard, the main contribution of this work is an identification of true intentions of EU’s engagement with Central Asian States [2].

There are a lot of reasons why EU is engaging in Central Asia. Starting with the fact that Central Asia is rich in natural resources, especially gas, it urges the EU to take a step to decrease Central Asian dependence on Russian gas supplies. In order to diversify EU’s access to raw materials in general is another reason for EU’s involvement into Central Asia. Moreover, Central Asia is of geostrategic importance as a bridge from Europe to China

and the Middle East and even may be considered as a buffer zone against Afghanistan and Iran.

However, it must be questioned here about what are the EU Strategy for a New Partnership's role in cooperation with Central Asia and areas of collaboration? Adopted in 2007, the EU.

The EU calls for integrated management of water resources and transboundary cooperation on water issues and makes diplomatic efforts with other international partners to promote regional cooperation on water challenges in Central Asia. In the context of the dialogue, the EU called for better environmental management and measures for mitigation climate changes and adaptation to it.

The strategy for Central Asia should further focus on different approaches to relations with individual countries. It is necessary to conduct constant and consistent consultations with partners from five countries of Central Asia. Such a dialogue allows for regular assess the changes that occur in all priority areas, implement exchange of views on different options for future actions.

EU Strategy for Central Asia serves as an overall framework for the EU policies in the region of Central Asia. The EU sees a mutual interest in sustained dialogue and cooperation with the five Central Asian States respecting their differences and fostering closer cooperation among them on regional issues. The EU is willing to contribute substantially to security, stability and prosperity in Central Asia. To this end the EU is committed to opening Commission delegations in all five Central Asian countries. Member States will consider expanding the network of embassies in Central Asia. The EU will ensure coherence between this Central Asia Strategy and other EU regional initiatives, including the Black Sea Synergy Initiative. It will support intraregional trade and cooperation. It will also support active integration/participation of Central Asia in the WTO in order to ensure better integration of these countries in the world trade and economic system. With this Strategy, the EU invites Central Asia to establish an enhanced political dialogue, including regular meetings at Foreign Ministers' level with the EU troika. The EU will hold annual meetings of its Heads of Mission in the region. Based on the principles of this Strategy, the EU will work with each of the Central Asian countries to develop individual approaches to implementation, according to the specific needs and performance of each country, building on existing and future agreements, including PCAs.

REFERENCES

1 European Union: Official sites [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.eu.com> - (Accessed 28.09.2017).

2 Раев Д.С., Касенов Ф.Ж. Диалог Казахстан - Европейский Союз: полифония сотрудничества//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международное Отношения и Регионоведения». - №3(21). – 2015. – С.3-9.

**ЕУРОПАЛЫҚ ОДАҚ ПЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯ: ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТЫҢ
КӨКЖИЕКТЕРІ, ЖАҢА СЫН-ҚАТЕРЛЕР ЖӘНЕ ЖАҢА ӨЛШЕМДЕР (ІС-
ҚИМЫЛ ЖОСПАРЫН ӘЗІРЛЕУ)**

Сейтова А.¹

¹Абылай хан ҚазХҚжӘТУ магистранты
Мамандық «6М020200 – Халықаралық қатынастар»
Алматы, Қазақстан
E-mail: ainuraserzhan@gmail.com

Мақала Орталық Азия үшін Еуропалық Одақтың стратегиясын және олардың екіжақты ұзақ мерзімді ынтымақтастығын анықтауға арналған. Еуропалық Одақтың Орталық Азиямен ынтымақтастығында «Жаңа серіктестік стратегиясының» рөлін анықтау маңызды бағыттарының бірі болып табылады.

Тірек сөздер: Еуропалық одақ, Орталық Азия, ынтымақтастық.

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ГОРИЗОНТЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА - НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ
(РАЗРАБОТКА ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ)**

Сейтова А.¹

¹магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана
Специальность «6М020200-Международные отношения»
Алматы, Казахстан
E-mail: ainuraserzhan@gmail.com

Статья посвящена определению стратегии Европейского союза (ЕС) в отношении Центральной Азии и их двустороннему долгосрочному сотрудничеству. Особое значение имеет разъяснение областей, в которых ЕС оказывает помощь Центральной Азии, и определения роли «Стратегии ЕС для нового партнерства» в сотрудничестве с Центральной Азией.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Азия, сотрудничество.

Статья поступила 08.09.2017

UDC 327.8 (470+73+510)
IRSTI 11.25.47

**CENTRAL ASIA AS AN OBJECT OF INTEREST OF NATO COUNTRIES
(ANALYTICAL REPORT)**

Nurmukhambet B.¹

¹ Master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
Specialty International Relations
Almaty, Kazakhstan
E-mail: happy795@mail.ru

This article examines how the Alliance's partnership policy has changed in Central Asia and South Caucasus since the 1990s and aims to clarify to what extent NATO's new partnership policy can affect its relations with these countries. NATO–Russian relations and the Afghanistan operation are evaluated as the main drivers of this process. The target date of the withdrawal of the ISAF combat mission in December 2014, set at the Lisbon Summit 2010, as well as the shifting of the focus of long-term US foreign policy to the Asia-Pacific region and the US aim of balancing China's influence in this region increase the necessity for the Alliance to redefine its future policy towards Central Asia and South Caucasus.

The article claims these developments have caused the need to treat Russia more as a partner than a potential competitor in constituting the policy towards Central Asia and South Caucasus. Furthermore the article claims there is no possibility for new Alliance expansion in this part of the world in the short to medium term.

Keywords: NATO, NATO's partnership policy, Central Asia, South Caucasus, American foreign policy, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

The North Atlantic Treaty Organization (NATO) has a keen interest in Central Asia due to the security and stability risks the region generates, as well as the negative spill-over effects from Afghanistan that impact upon the region. Although all five Central Asian Republics take part in NATO's Partnership for Peace (PfP), concrete cooperation remains limited and is mostly oriented towards maintaining a dialogue. The Central Asian regimes feel they need to balance security cooperation with NATO with that of Russia (the Collective Security Treaty Organization) and Russia-China (the Shanghai Cooperation Organization), but at the same time they exploit NATO's and the U.S.'s dependence on keeping the Northern Distribution Network alive for troops and supplies to Afghanistan. Meanwhile NATO seeks to balance the demands of hard security interests with not losing sight of Central Asia's deploring democracy and human rights record. However, cooperation is clearly weighted in favor of NATO's practical interests: the ISAF mission in Afghanistan largely defines NATO relations with the Central Asian region. Excluding policies towards Afghanistan, the European Union (EU) by-and-large has the same objectives as NATO when it comes to security in Central Asia, but completely different ways of going

about pursuing a stable Central Asia that is a genuine partner. NATO's focus lies in dialogue with the Central Asian leaderships, keeping Central Asian supply routes to Afghanistan open and some cooperation in the field of defense reform. The EU's approach is much more diverse and focuses on aspects of human security, which it tries to support through projects and funding for rule of law, good governance and water management, but at the same time also supporting Central Asian border management and so on. In doing so the EU of course has substantially more resources at its disposal and the EU's objectives in Central Asia are also much broader than merely security and partnership.

Nonetheless, it is strange that the EU and NATO do not liaise much in general, particularly when it comes to policies on and ties with Central Asia. As one policymaker said, "NATO and the EU are like two elephants running through the same city (Brussels) while never meeting each other". This also applies to Central Asia where both rarely can be found in the same room. This is unfortunate because there are several reasons that would make increased cooperation and fine-tuning of policies and approaches towards Central Asia worthwhile. First, both have only a limited presence in the region. Whereas the EU is stepping up its presence on the ground by opening up an EU Delegation in Uzbekistan (on top of already having delegations in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan), NATO only has a liaison officer present and is represented by (contact) embassies of NATO members in the region. Active exchange of information – in Brussels through regular meetings and in the region between EU delegations and European NATO members' embassies including U.S. and Turkish embassies – would be beneficial to both. Second, U.S. and European policies towards Central Asia are increasingly divergent. The EU takes a broad approach by looking at a whole spectrum of issues, from energy interests to the promotion of democratic values and human rights to security interests, while the U.S.'s approach is becoming narrower by concentrating foremost on (hard) security matters and seeing Central Asia primarily through an Afghanistan lens. NATO brings Europe and the U.S. together in one organization, and also includes Turkey, itself an active and substantial actor in Central Asia. In the wake of the growing influence of Russia and China in the region increased coordination between the EU and NATO seems a logical step. Third, NATO as well as the EU is concerned about the development of Afghanistan over the coming years, especially post-2014 when the ISAF mission will be concluded and troops will have been withdrawn. As the EU and NATO work together on the ground in Afghanistan it would make

sense to extend practical cooperation to Central Asia. This is especially true of Tajikistan and Uzbekistan who are the most vulnerable to the potential increase of extremism and drug trafficking. Again, NATO having the U.S. and Turkey on board could help the EU in planning border management assistance and other security-related support such as disaster preparedness and aspects of security sector reform and governance. Joint programming could also be envisaged in some of these areas, possibly including the OSCE and UNDP. Lastly, the EU and NATO will also need to take a joint approach in fostering regional cooperation concerning Afghanistan. This should include not only Pakistan, but certainly Central Asia and hopefully Iran as well. Regional cooperation will be difficult to promote in a region with so many influential players with often contradictory interests. This is why at least NATO and the EU need to have their act together and move jointly in bringing other parties to the table. This EUCAM Watch is devoted to NATO and Central Asia. An insight into NATO's activities in the region is provided by NATO Special Representative for the Caucasus and Central Asia, James Appathurai. Alexander Cooley writes about the Northern Distribution Network and the U.S. plans for the New Silk Road, while MarleneLaurelled and SebastianPerouse discuss NATO in connection to the Russian driven CSTO and the Russia-China led SCO.

How are the Central Asian Republics working with NATO through the Partnership for Peace (PfP)? Since the NATO Summit in Istanbul in 2004 the Alliance has made additional efforts to deepen cooperation with all of its Central Asian Partners, including appointing a Special Representative for the region and sending a Liaison Officer to the region. Each Central Asian partner nation determines its own level of participation in the PfP, given diversity of perspectives among the five countries. So each individual country makes use of the various tools and levels of partnership that we offer according to its own priorities [1].

All Central Asian Republics have joined a mechanism that we call the IPCP or Individual Partnership and Cooperation Programmed. This programmer offers a wide range of partnership activities including defense reform, defense policy and planning, civil-military relations, education and training, military-to-military cooperation and exercises, civil emergency planning and disaster-preparedness, as well as cooperation on science and environmental issues. There are additional mechanisms, like PARP (Planning and Review Process) and IPAP (Individual Partnership Action Plan) that we offer to our Central Asian partners. These are more complex programmers, which require a higher level of cooperation with NATO, but

allow access to a wider range of partnership activities. In many PfP countries NATO is active in support of defense reform as part of security sector reform and governance. What are the activities and possibilities with Central Asian countries in this respect? A key objective is to promote the effective and efficient management of defense institutions, as well as civilian and democratic control of the armed forces. We also want to help the militaries of all our partners to become increasingly interoperable with NATO, in order to allow them to work as smoothly as possible with the Alliance, and so enhance the effectiveness of any current or future NATO operations in which they might wish to participate. The Planning and Review Process or PARP, as we call it, is the key instrument for helping partners with these reforms. Partners whose cooperation with NATO is more advanced participate in this mechanism in which some of their security forces also undergo defense review procedures similar to those of NATO Allies themselves, in order to prepare them to participate in international peacekeeping operations. Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan participate in the PARP process, while Tajikistan has expressed an interest in doing so in the future. The PARP mechanism has a flexible nature and it is up to the partners to decide on the priority areas of defense reform and defense review. The Kazakh government's efforts at achieving greater interoperability with NATO troops have led to the creation, assisted by NATO, of a Kazakh battalion (KAZBAT) [2].

While this was not in a NATO context, KAZBAT has successfully deployed alongside Polish troops in Iraq for a demining mission. Several Central Asian states are also members of the Collective Security and Treaty Organization (CSTO) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) with which NATO has no official ties. Does this complicate cooperation with Central Asia? Let me first emphasize that NATO's engagement with Central Asia is complementary with that of other actors in the region. For Central Asian countries, cooperation with NATO is not, and should not be, a "zero-sum game". NATO strongly believes that it is the sovereign right of each individual state to determine its own security arrangements and that cooperation with one regional organization does not preclude cooperation with any other regional organization. NATO and its partners have undertaken initiatives to promote and coordinate practical cooperation and the exchange of expertise in areas such as combating terrorism and border security. I am confident that this cooperation will continue to fulfil its potential and contribute to increased security in Central Asia, which is particularly relevant in the context of transition in Afghanistan. Kazakhstan

seems to have progressed furthest in Central Asia within the PfP [3-4].

How is the Individual Partnership Action Plan proceeding and has it led to increased cooperation and reform? The IPAP is a more advanced cooperation mechanism, in which a Partner and NATO jointly agree on a detailed programmer of security sector reform. The benefits of participating in more advanced programmers are linked to greater access to NATO expertise and assistance in conducting the reforms identified by the Partner. Kazakhstan is the only Central Asian country to have agreed an IPAP with the Alliance, in early 2006. Since then, Kazakhstan has been making substantial progress in defense reform and interoperability. Currently, we are working on the third cycle of the IPAP process with Kazakhstan for the period of 2012-2013 and plan to finalize it in February. Have the 2010 revolutionary changes in Kyrgyzstan brought an opportunity for NATO to increase cooperation with that country, including in the field of discussing democratic practice and human rights issues in defense matters? NATO's relations with Kyrgyzstan date back to the early 90s and cover already a wide range of areas. Currently, we are considering new projects which were requested by Kyrgyzstan which include a trust fund on the management of weapon storage facilities, projects on leftover and unwanted uranium residue, as well as defense reforms.

What is the nature of NATO relations with Turkmenistan? How does NATO see Turkmenistan's increased activism in urging regional cooperation on Afghanistan? As with all other Central Asian Republics, Turkmenistan joined the IPCP. Within this programmer, Turkmenistan chose not to participate in military activities, in line with its position of "neutrality". This does not, however, preclude cooperation in key areas included in the IPCP, such as Civil Emergency Planning and Science for Peace and Security projects. In the past few years, we have witnessed more sustained engagement from all Central Asian countries, including Turkmenistan, with regard to assisting Afghanistan. Uzbekistan is logistically essential to NATO's mission in Afghanistan. Is NATO capable of addressing human rights violations with the authoritarian leadership while also maintaining the Northern Distribution Network? Let me stress that partnership is about more than practical cooperation – it is also about values. By signing the PfP Framework Document, Central Asian partners committed to respect international law, the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights, the Helsinki Final Act, and international disarmament and arms control agreements; to respect existing borders; and to settle disputes peacefully. It is no secret that Central Asian countries still have some way

to go to fully live up to these standards. However, we believe that we can assist this process through our cooperation. As with other partners, we also highlight with Uzbekistan the importance of values such as democratic standards and the rule of law. At the same time, we believe that we can have practical cooperation that goes hand in hand with our efforts to stress the need for the Central Asian states to live up to all of their commitments [5].

Does NATO plan to intensify cooperation with Tajikistan as the most fragile and poorest country in the region? Tajikistan joined PfP in 2002, the last Central Asian partner to do so. Indeed, cooperation with Tajikistan has been hampered by practical issues including lack of resources and English language capability. Nevertheless, Tajikistan has shown growing interest in recent years in slowly but steadily enhancing its cooperation with NATO. President Rahmon visited NATO HQ in February 2009 for the second time where he noted his country's willingness to expand cooperation. A NATO-sponsored Summer Academy in Dushanbe has become an annual event, and includes participation from across Central Asia, including Afghanistan. Currently, we are launching a trust fund project aimed at the destruction of surplus ammunition. NATO also regularly engages with regional actors in order to address the security needs of Central Asian countries, including Tajikistan. In this framework, we have regular consultations with the OSCE and, more recently, also with the EU. What do you see as the major risks and threats to Central Asia after ISAF troop withdrawal from Afghanistan in the coming years? Over the next three years, NATO's role will progressively evolve from combat to training and support of Afghan security forces. The process that we call transition to Afghan lead responsibility is on track, and will be completed by the end of 2014. However, we will not abandon Afghanistan once transition is over. Afghanistan's needs in the coming years cover many areas, such as governance, justice, development and economic growth. We are confident that the international community will play its full part when ISAF's combat mission comes to a close.

At the Lisbon summit last year we agreed on an Enduring Partnership with Afghanistan. And at our next summit in Chicago, we will set out how that will work, by agreeing a package of concrete assistance measures. NATO will not let Afghanistan slip back into the hands of militants, but NATO does not aspire to lead the support effort in all areas in which Afghanistan needs assistance. The whole international community has a stake in a stable Afghanistan, and the whole international community must help achieve it. As NATO looks to reduce its major combat presence in Afghanistan, Western officials are exploring how to promote greater

economic cooperation between Afghanistan and its Central Asian neighbors. Two recent initiatives – the Northern Distribution Network (NDN) and the “New Silk Road” (NSR) strategy – have been touted as important steps in fostering much needed regional economic integration. Yet, the problems that have arisen in the operation of the NDN over the last few years may well be a harbinger of the challenges that will confront the ambitious NSR.

The NDN was established in 2008 to provide U.S. and ISAF forces alternatives to the volatile and politically vulnerable supply routes that enter Afghanistan from Pakistan. NDN routes are a remarkable logistical undertaking, traversing large portions of the Eurasian landmass. On the main NDN routes, cargo is offloaded onto Baltic ports and then transported by rail through Russia, Kazakhstan and onto Uzbekistan and the Afghan border. An NDN South spur originates in Poti, Georgia, goes by rail across to Azerbaijan and then by ferry to Aktau, before being loaded onto trucks. In both strands, Uzbekistan serves as a hub, with five out of every six containers making their way to Afghanistan via the TermezHairaton crossing. Until 2008, NDN transit accounted for only about 10 percent of Afghanistan-bound shipments compared with Pakistan’s 90 percent; in 2011 total transit through the NDN had increased to 60 percent (though initially planned to reach 75 percent), and this percentage appears likely to increase in 2012 given continued political tensions between the United States and Pakistan. Beyond its critical role as a transit route for NATO supplies, officials expressed hopes that forging the NDN would also generate regional economic benefits in the form of improved infrastructure, transit technologies and greater trade volumes.

Over the last year, U.S. and NATO leaders have also rolled out the NSR, an ambitious plan to contribute to Afghanistan’s post-2014 economic development by establishing regional economic links between Afghanistan and its Central and South Asian neighbours. Under the plan, the international community will assist with the upgrading of regional infrastructure such as roads, railways, bridges and pipelines. Furthermore, planners are particularly interested in connecting Central Asian energy production with potential markets in Afghanistan and South Asia. Clearly, given that Afghanistan’s GDP remains almost completely dependent on foreign assistance, expanding economic opportunity and regional activity should be a priority for NATO. Yet, however laudable these goals, a number of challenges have plagued the NDN, and these are also likely to hamper the NSR. First, these two regional initiatives conflate two distinct types of economic activity - “rent-seeking”, or the use of political power by government officials to gain access to fixed

income streams, with productive private investment. The whole premise of the NDN was to offer Central Asian governments hefty transit fees as the necessary economic incentives to secure their cooperation on these new logistical arrangements. Central Asian officials have regularly hiked transit tariffs, while bureaucrats and customs officials demand informal payments and delay shipments without them. A comparison of basic indicators provided by the World Bank about the Central Asian countries suggests that between 2008 and 2011, despite the ramping up of the NDN, there have been no broad improvements in the long clearing times required for exports and imports to and from the region.

Nor have U.S. attempts to procure goods and supplies from Central Asian vendors – a move encouraged by General Petraeus’ decision in 2009 to waive federal guidelines in order to encourage more local sourcing – yielded a significant surge in regional trade. Between 2008 and 2012, the total amount of Central Asian procurement for the NDN was about \$155 million, a much smaller amount than was originally anticipated (in 2009, Uzbek officials reportedly set an annual goal of \$100 million). This volume can only increase significantly, if Central Asian elites decide that they have more to gain from encouraging formal trade than by collecting large informal payments, which depresses it. Similarly, with the New Silk Road, the impending 2014 deadline for the NATO drawdown from the region may encourage Central Asian officials to focus on securing as many short-term projects as possible, with scant regard for the regional dimension. This appears to be the fate of the multilateral Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) programme, which has ambitiously poured billions of dollars into the construction of a set of regional corridors, yet the project has stalled as each recipient has used the funds for its own highway construction without committing to actually improving cross-border transit and transactions. Second, rather than act as a force to increase economic integration and regional cooperation, it appears that aspects of the NDN have actually increased intraregional competition among the Central Asian states.

The central importance of Uzbekistan has exacerbated its regional economic rivalries and highlighted simmering border tensions. Over the last year hundreds of freight cars bound for Tajikistan have piled up at the Uzbek border, while individual border crossings between the countries have been closed and militarised. In November 2011, a railway spur from Uzbekistan to Tajikistan, which the Tajik authorities claimed could handle increased NDN traffic volume, was blown up under mysterious circumstances. In

Kyrgyzstan, officials complain that Tajik companies and drivers exclusively operate the trucks running within the Tajik-Kyrgyz NDN spur. Thus, for the Central Asian states, concerns over how much rival states gain from the NDN appear to be trumping the emergence of new cooperative initiatives.

Finally, as a “grand idea” without an accompanying blueprint, the NSR may unnecessarily lend geopolitical overtones to a group of projects that otherwise might be widely accepted as primarily developmental. The NSR is pragmatically open-ended, allowing for a number of disparate projects, initiatives and developmental plans to be bundled together. But the umbrella of a single strategic concept also emboldens sceptics, particularly in Moscow and Beijing, to infer that the West is positioning itself to maintain enduring regional influence. Meanwhile the SCO has remained a paper tiger in terms of regional security. The organization has attained only one of its declared objectives, namely black listing and extraditing Uyghur dissidents.

In all other aspects of collective strategic cooperation, the gap between its institutional rhetoric and its lack of joint mechanisms is vast. The CSTO in Central Asia is only active in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, and even then the Kremlin’s desire to strengthen military cooperation runs up against Dushanbe’s reluctance, Bishkek’s hesitations and Astana’s desires for autonomy and a multi-vector policy. Furthermore, Moscow does not know how to prepare for the non-traditional threats arising in the region, and for any possible waves of political destabilization such as those that rocked Kyrgyzstan in 2010. In this context, the CSTO and SCO are not really NATO’s direct rivals in Central Asia. To enter into competition with them, NATO would have to aim at integrating the security policies of the Central Asian states into a solid regional structure, which is not the case.

For its part, the SCO has not positioned itself as an organization with a substantial military component, and instead confines itself to promoting a “healthy” Central Asian order, free from the so-called three evils of separatism, extremism and fundamentalism, and devoid of pro-Western forces. Only Russia offers willing Central Asian states the complete array of bilateral and multilateral relations, including arms sales at reduced prices, training, joint exercises and intelligence exchanges. In terms of cooperation with NATO, Kazakhstan is the most advanced state of Central Asia. Astana has an IPAP with NATO and takes part in an Action Plan against Terrorism, which provides for the exchange of information with NATO members. It also hosts the annual “Steppe Eagle” anti-terrorism exercises and created a symbolic peacekeeping force called KAZBRIG that collaborates with NATO under a UN mandate. Astana also seeks to step up efforts in NATO

interoperability in the coming years.

However, this does not prevent Kazakhstan from being a major ally of Moscow in the post-Soviet era, or from showing its support for most of the Russian proposals for strengthened integration. Kazakhstan therefore shows how the programmes offered by NATO and the CSTO can be complementary rather than competitive. In contrast with the CSTO, the SCO has not raised the idea of cooperation with NATO. China would probably be reluctant for this type of rapprochement, even if informal discussions between senior officials do take place. But NATO also has little to share with the SCO. The SCO's definition of the three evils runs contrary to NATO's political objectives. The Atlantic Treaty Organization cannot lend its support to SCO rhetoric on domestic security and the value gap between them is substantial. The areas of cooperation between Western institutions and China are at best limited to a better coordinated anti-drug strategy, but none involve any hard military security.

Even on issues linked to regional security China is extremely reluctant to become more involved in Afghanistan or in the fight against drug-trafficking. Hitherto, only Russia has regularly requested an institutionalizing Why NATO doesn't talk with the SCO and the CSTO by MaloneLaurelled and SebastianPerouse, EUCAM Researchers of NATO-CSTO cooperation. Moscow wants to have a say in NATO decision-making. While this is unlikely to happen, there is a window of opportunity for NATO-Russia cooperation with the forthcoming withdrawal of NATO troops from Afghanistan. Russia is concerned about the consequences of this transition for Central Asian stability and would probably not be willing to carry the burden of providing security support to Central Asia alone. But for a step up in cooperation Russia is likely to demand NATO's recognition of the CSTO; not as a symbol of Russian "imperialism" in Central Asia, but as a legitimate regional institution, validated by the Kazakh, Kyrgyz and Tajik governments. NATO might not be ready for this step and in any case would prefer to work bilaterally with Russia and the Central Asian states through PfP. Potential NATO-CSTO discussions also presuppose that the governments of Central Asia, at least the most cooperative ones, would take an interest in developing joint measures [6].

Kazakhstan might support NATO-CSTO links and the relatively weak Kyrgyz and Tajik authorities can probably be convinced, but Uzbekistan would likely resist. Furthermore, all local governments have tended to put external actors against one another rather than promote cooperation between them. Under current conditions, it would thus be naive to think

that cooperation between the institutions will happen any time soon. NATO is reluctant to take the CSTO seriously; Russia hesitates between investing in the CSTO or the SCO; China is not interested in multilateral initiatives it does not control; and the Central Asian governments play the competition card.

Nonetheless, the approaching security changes after 2014, as well as the financial, military and political limits of the three organizations are likely to push them increasingly towards reconciliation and bring possible avenues of cooperation into policy debates about Central Asia and Afghanistan.

REFERENCES

1 NATO and Central Asia The two elephants that never meet EUCAM Watch No. 11 - NATO and Central Asia. - Access mode: http://www.eucentralasia.eu/uploads/tx_icticontent/EUCAMWatch-11.pdf - (Accessed 28.09.2017).

2 Dunn, Arthur. NATO in Central Asia. - Access mode: <http://www.eurodialogue.eu/nato-central-asia> - (Accessed 28.09.2017).

3 Kazakhstan . - Access mode: <http://www.nato.int/issues/nato-kazakhstan> -(Accessed 28.09.2017).

4 Kyrgyzstan. - Access mode: <http://www.nato.int/issues/nato-kyrgyzstan> -(Accessed 28.09.2017).

5 Uzbekistan. Access mode: <http://www.nato.int/issues/nato-uzbekistan> -(Accessed 28.09.2017).

6 NATO publications are available from the E-Bookshop. - Access mode: <http://www.nato.int/ebookshop> - (Accessed 28.09.2017).

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ НАТО ЕЛДЕРІНІҢ МҮДДЕЛІ ОБЪЕКТІСІ РЕТІНДЕ (АНАЛИТИКАЛЫҚ ЕСЕП)

Нұрмұхамбет Б.Х.¹

¹Абылай хан ҚазХҚЖӘТУ магистранты

Мамандық «6М020200 – Халықаралық қатынастар»

Алматы, Қазақстан

Бұл мақалада Альянстың серіктестік саясаты 1990 жылдары Орталық Азия мен Оңтүстік Кавказдағы өзгерді және НАТО серіктестіктің жаңа саясаты осы елдермен өзінің қарым-қатынастар әсер етуі мүмкін қандай дәрежеде жүзеге асатындығын зерттейді. Бұл үдерістегі негізгі факторлар ретінде НАТО мен Ресей арасындағы қатынастар және Ауғанстандағы операциялар бағаланады, жауынгерлік 2010 жылы Лиссабон саммитінде орнату 2014 жылы желтоқсандағы миссиясын, сондай-ақ ұзақ мерзімді АҚШ-тың сыртқы саясаты Азия-Тынық мұхит аймақтары қарастырылды.

Бұл мақалада осы оқиғалар Орталық Азия мен Оңтүстік Кавказ қатысты саясатында серіптестігінен гөрі әлеуеттік бәсекелес ретінде Ресейге қарастыру қажет деп есептейді. Сонымен қатар, мақала альянстың кеңейту үшін ешқандай мүмкіндігі қысқа мерзімді және орта мерзімді перспективада әлемнің осы бөлігінде бар екенін бекітеді.

Тірек сөздер: НАТО, НАТО серіктестік саясаты, Орталық Азия, Оңтүстік Кавказ, АҚШ сыртқы саясаты, Грузия, Қазақстан, Қырғызстан.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРЕСОВ СТРАН НАТО (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД)

Нұрмұхамбет Б.Х.¹

¹Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана
Специальность «6M020200 - Международные отношения»
Алматы, Казахстан

В этой статье рассматривается, как политика партнерства Альянса изменилась в Центральной Азии и на Южном Кавказе с 1990-х годов и направлена на выяснение того, в какой степени новая политика НАТО по партнерству может повлиять на ее отношения с этими странами. В качестве основных факторов этого процесса оцениваются отношения между НАТО и Россией и операция в Афганистане. Целевой срок вывода боевой миссии ИСАФ в декабре 2014 года, установленный на Лиссабонском саммите 2010 года, а также смещение фокуса долгосрочной внешней политики США в Азиатско-Тихоокеанский регион и цель США по балансированию китайской влияние в этом регионе усиливает необходимость того, чтобы Североатлантический союз пересмотрел свою будущую политику в отношении Центральной Азии и Южного Кавказа.

В статье утверждается, что эти события вызвали необходимость рассматривать Россию скорее как партнера, чем потенциального конкурента в формировании политики в отношении Центральной Азии и Южного Кавказа. Кроме того, в статье утверждается, что нет возможности для расширения Альянса в этой части мира в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: НАТО, политика партнерства НАТО, Центральная Азия, Южный Кавказ, внешняя политика США, Грузия, Казахстан, Кыргызстан.

Статья поступила 08.09.2017

UN AND REGIONAL CONFLICTS: ADVANTAGES AND SETTLEMENTS

Galiyeva A.T.¹

¹Master student of Ablai Khan KazUIR &WL
Specialty “6M020200 - International Relations”
Almaty, Kazakhstan

The United Nations not only occupies a central place in the system of interstate organizations, but also plays an exceptional role in contemporary international political development.

The United Nations has played an extremely important role in reducing conflicts in several regions of the world by mediating peace negotiations and promoting peace agreements. Thanks to the UN, many conflicts did not turn into full-scale wars. In addition, through negotiations, it was possible to achieve a peaceful settlement of various conflicts.

However, some of these agreements did not stand the test of time. The UN's work for peace does not end with the successful completion of the peacekeeping mission. After the end of the conflict, the UN helps displaced people and refugees return home.

Keywords: United Nations, conflict, peace negotiations, peacekeeping mission.

УДК 327.54

МРНТИ 11.25.49

ООН И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ДОСТОИНСТВА И ПРОСЧЕТЫ

Галиева А.Т.¹

¹Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана
Специальность «6М020200 – Международные отношения»
Алматы, Казахстан

Организация Объединенных Наций не только занимает центральное место в системе межгосударственных организаций, но и играет исключительную роль в современном международно-политическом развитии.

Организация Объединенных Наций сыграла чрезвычайно важную роль в уменьшении масштабов конфликтов в ряде регионов мира, выступая посредником на мирных переговорах и содействуя осуществлению мирных соглашений. Благодаря ООН многие конфликты не переросли в полномасштабные войны. Кроме того, с помощью переговоров удавалось добиваться мирного урегулирования разных конфликтов.

Однако некоторые из этих соглашений не выдержали испытания временем. Деятельность ООН на благо мира не заканчивается с успешным завершением миротворческой миссии. После окончания конфликта ООН помогает перемещенным лицам и беженцам вернуться домой.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, конфликт, мирные переговоры, миротворческая миссия.

Созданная в 1945 г. как универсальная международная организация, имеющая своей целью поддержание мира и международной безопасности и развитие сотрудничества между государствами, ООН объединяет в настоящее время 185 стран мира.

Под сенью ООН существует большое число межправительственных организаций, осуществляющих регулирование международной жизни в рамках своего функционального предназначения.

В эпоху биполярного противостояния на международной арене эффективность деятельности ООН часто оказывалась невысокой. Политическая, военная и идеологическая конфронтация двух сверхдержав и их союзников нередко оказывала парализующее воздействие на деятельность основных структур и институтов ООН. С окончанием холодной войны возник мощный импульс для активизации ООН и ее превращения в действенный механизм организации международной жизни [1].

Особое значение приобрели усилия ООН по поддержанию мира. Если за первые четыре десятилетия своего существования ООН осуществила 14 различных миссий и операций с направлением наблюдателей, посредников или военного персонала в районы конфликтов, то с 1988 г. были инициированы 33 миротворческие акции.

Пик активности в этой области пришелся на 1995 г., когда общее число задействованного в миротворческой деятельности ООН персонала составило почти 70 тыс. человек (включая 31 тыс. военнослужащих) из более чем 70 стран. Значительное развитие по линии ООН получили превентивная дипломатия (миссии по установлению фактов, усилия по примирению сторон, посредничество и т.п.), организация наблюдения за перемирием, гуманитарные операции (оказание помощи беженцам и другим жертвам конфликтов), содействие послеконфликтной реабилитации. В той или иной форме ООН была вовлечена в усилия по урегулированию в большинстве «горячих точек» текущего десятилетия - в Сомали, Мозамбике, Камбодже, Афганистане, Центральной Америке, на Гаити, в бывшей Югославии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Руанде, Западной Сахаре, Таджикистане, Грузии. Вместе с тем Совет Безопасности использовал и такие инструменты, как санкции (экономические, политические, дипломатические, финансовые и иные принудительные меры, не связанные с использованием вооруженных сил) и принудительное разоружение (в отношении Ирака) [2].

Однако прекращение холодной войны не только открыло новые возможности для ООН, но и рельефно высветило присущие ей недостатки, которые ранее находились на заднем плане. С одной стороны, речь идет об издержках существования огромного бюрократического аппарата ООН, его неповоротливости и неэффективности процесса принятия решений, перегруженности организации многочисленными структурами и их параллелизме. С другой стороны, ставится вопрос об адаптации ООН к серьезному изменению международно-политического ландшафта, происшедшему за пять с лишним десятилетий ее существования.

Наконец, остаются не проясненными многие концептуальные вопросы деятельности ООН (какой должна быть система ее приоритетов, при каких условиях ее функции могут быть делегированы региональным организациям или коалициям государств, каковы условия и пределы вмешательства ООН во внутренние дела суверенных государств, как добиться оптимального сочетания демократизма и оперативности в функционировании ООН, как совместить принцип ее универсальности с особым статусом постоянных членов Совета Безопасности, и т.п.).

Деятельность по поддержанию мира является одним из наиболее эффективных инструментов, имеющихся в распоряжении ООН для оказания помощи принимающим странам, переживающим сложный период выхода из конфликтной ситуации.

Миротворческая деятельность обладает рядом уникальных преимуществ, включая легитимность и принцип распределения ответственности, а также потенциал по развертыванию и обеспечению функционирования военных и полицейских контингентов из различных стран мира и объединению их усилий с усилиями гражданских миротворцев в целях осуществления комплексных мандатов.

Миротворцы ООН обеспечивают безопасность, политическую поддержку и содействие миростроительству в странах, выходящих из конфликтной ситуации.

Миротворческие операции формируются при наличии серьезных военных или гуманитарных кризисов. В прошлом миротворцы занимались поддержанием мира в основном между воюющими странами. Сегодня же вооруженные конфликты во многих случаях происходят внутри страны [3]. Из-за гражданских беспорядков и этнических конфликтов правительства некоторых стран оказываются не в состоянии осуществлять власть на собственной территории, что оборачивается трагедией для людей. В подобных ситуациях Организацию Объединенных Наций просят, с одной стороны, организовать переговоры для урегулирования конфликта, а с другой — оказать чрезвычайную помощь людям, пострадавшим от конфликта. Действуя в сложных условиях, Организация Объединенных Наций оказывает гуманитарную помощь и одновременно ищет пути выхода из кризиса.

Деятельность ООН на благо мира не заканчивается с успешным завершением миротворческой миссии. После окончания конфликта ООН помогает перемещенным лицам и беженцам вернуться домой. Она занимается обезвреживанием мин, ремонтирует дороги и мосты и оказывает экономическую и техническую помощь для восстановления экономики. Кроме того, ООН наблюдает за ходом выборов и следит за тем, как в стране соблюдаются права человека.

Просчеты и ошибки связаны с тем, что в современном динамичном, быстроразвивающемся мире, она оказалась в непривычной ситуации, где межгосударственные конфликты сменились гражданскими войнами, распад биполярного мира привел к созданию новых государств, появились новые виды угроз международному миру и безопасности. Налицо, снижение роли ООН и Совета Безопасности.

Все чаще происходит нарушение принципов ООН, игнорирование резолюций СБ ООН, применения санкций по отношению к некоторым странам в разрез с решениями Членов Совета. Но можно ли в данной

ситуации говорить о том, что снижение роли ООН, нарушение ее принципов, использование силовых методов, происходит связи с неэффективностью в деятельности ООН, ее неспособностью своевременно и адекватно отреагировать на сложившуюся ситуацию? Конечно, нет. Это происходит по одной причине, которая состоит в том, что США, Великобритания и другие страны пренебрегают нормами международного права.

Одним из основных доводов критики, звучащей в адрес деятельности ООН, является неспособность ООН оперативно реагировать и принимать решения, способствующие предотвращению конфликта. Государства, которые присоединились к этой системе, поддерживают в состоянии высокой готовности контингенты и технику для предоставления в случае необходимости для миротворческих операций под эгидой ООН, а интенсивность процесса углубления сотрудничества ООН с региональными организациями, приводит к коалиции государств в целях быстрого реагирования на кризисные ситуации [4].

Одним из основных факторов, снижающих роль ООН в урегулировании международных конфликтов, является то, что она не смогла вывести наличие ОМУ и ядерного оружия из под контроля суверенных государств. После холодной войны, появилась надежда, что гонка вооружений прекратится, но последовала обратная волна - даже не богатые страны пытаются приобрести ядерное оружие, потому что наличие ядерного оружия является единственным способом оградить себя от угрозы со стороны крупных ядерных держав [5].

Конфликты продолжают возникать, и многие из них приобретают насильственный характер. Сфера деятельности многих организаций сводится к ограничению негативных последствий насилия. Основным источником озабоченности международного сообщества является его неспособность достоверно и точно предсказывать конфликты, которые грозят приобрести насильственный характер, и быстро на них реагировать. Это происходит как из-за сложной динамики внутренних, этнических и религиозных конфликтов, так и из-за нежелания государств предпринимать усилия, связанные с большим риском и затратами. Тем не менее, нарастающее присутствие международных организаций, а также государственных и негосударственных организаций в зонах, чреватых конфликтами, дает надежду на то, что увеличение числа сторон, участвующих в предупреждении конфликтов, сможет снизить в будущем количество упущенных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Торкунов А.В. Современные международные отношения. – М. Издательство: Аспект Пресс, 2012. – 584 с.
- 2 Мунтян М.А. Основы теории международных отношений [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_244.html - (дата обращения: 29.08.2017)
- 3 Хохлышева О.О. Международно-правовые проблемы силового миротворчества ООН и возможные варианты их решения. - Новгород, 2002. – 118 с.
- 4 Никитин А.И. Миротворческие операции: концепции и практика. - М. Издательство: МГИМО РФ, 2000. – 234 с.
- 5 Костенко Н.И. Роль ООН в предупреждении транснациональной организованной преступности // Право и политика. – 2003. - № 9. – С.20-35.

БҰҰ ЖӘНЕ АЙМАҚТЫҚ ҚАҚТЫҒЫСТАР: АРТЫҚШЫЛЫҚТАРЫ ЖӘНЕ ЖАҢСАҚТЫҚТАРЫ

Галиева А.Т.¹

¹Абылай хан ҚазХҚжӘТУ магистранты
Мамандық «6М020200 - Халықаралық қатынастар»
Алматы, Қазақстан

Біріккен Ұлттар Ұйымы мемлекетаралық ұйымдардың жүйесінде орталық орынды ғана емес, қазіргі заманғы халықаралық саяси дамуда ерекше рөл атқарады. Біріккен Ұлттар Ұйымы бейбіт келіссөздер мен бейбіт келісімдерді насихаттау арқылы әлемнің бірнеше аймақтарында жанжалдарды азайтуда өте маңызды рөл атқарды. БҰҰ арқасында көптеген қақтығыстар ауқымды соғыстарға айналмады. Сонымен қатар, келіссөздер арқылы түрлі жанжалдарды бейбіт жолмен шешуге қол жеткізілді.

Алайда, осы келісімдердің кейбіреуі уақыттың сынағына тап болмады. БҰҰ-ның бейбітшілік үшін жасаған жұмысы бейбітшілікті қолдау жөніндегі миссияны сәтті аяқтаумен аяқталмайды. Қақтығыс аяқталғаннан кейін БҰҰ босқындарға оралуға мүмкіндік берді.

Тірек сөздер: Біріккен Ұлттар Ұйымы, қақтығыстар, келіссөздер, бейбітшілікті қолдау, жөніндегі миссия.

Статья поступила 18.08.2017

UDC 327+316.014
IRSTI 12.23.25

CULTURAL AND CIVILIZATION PROCESSES IN MODERN KAZAKHSTAN

Zholamanova A.Zh.¹

¹Master Student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
Specialty «International Relations»,
Almaty, Kazakhstan

Uncertainty of tendencies of social changes, equiprobability of realization of alternative models of social development with a special force and evidence are shown during the periods of the sweeping and prompt changes, involved in which there was also our country. Rough rates of scientific and technological progress, formation of planetary communicative and information and financial and economic networks, exit of political institutes, labor markets, standard and valuable systems of social interactions for a framework of the national states are reflected in life of the countries and the people, mention fundamental bases of social and personal life of people, considerably change shape of a civilization. Deeply inconsistent processes of transformation of social reality include opposite directed, and on a number of positions – and mutually exclusive tendencies: globally interdependent and interconnected world at the same time is shaken on lines of geopolitical, religious and ethnic oppositions. The changes happening on space of the former USSR in recent years represent a serious civilization call for all Post-Soviet republics, including, and for Kazakhstan.

Keywords: cultural politics, cultural processes, civilization process, modern Kazakhstan.

Valuable reference points and development models become a competition subject between the countries, getting civilization measurement. In conditions when under the flag of fight against new calls and threats creation attempts “the unipolar world” proceed, there is an imposing to other countries of the political systems and development models – when ignoring historical, cultural, religious and other features of development of other world, before the new states sharply there is a problem of determination of the cultural and civilization identity which isn't repeating modern globalist sky recipes. The situation becomes complicated that it occurs against fight against the international terrorism which demands extensive dialogue between cultures, faiths and civilizations, their counteractions to extremism in own environment. Movement to a uniform civilization a categorical imperative of the global world. But gradually and steadily understanding of comes that cultural and civilization values – not books which transfer from the shelf on the shelf, and fuel which has to burn down in a hearth of unique cultural and civilization complexes and to become energy of their organic dynamics. Real dilemma: mutation and leaving on a history country churchyard, or transformation – as creative development of world experience on a basis and in a context of domestic sociocultural values and traditions. At universal recognition of fundamental value of democracy and the market

as bases of a social system and economic life, their realization accepts various forms – depending on history, national features and level of social and economic development of the states. The group of scientists of Institute of philosophy and political science was guided by such methodological installations, starting research of the difficult and multidimensional cultural and civilization processes happening in modern Kazakhstan. The research project “Cultural and civilization processes in modern Kazakhstan: the philosophical and political analysis” (2009-2011) is included into the program of basic researches “The Kazakhstan way of development in the global world: philosophical and world outlook and socio-political problems”. In the presented project the theoretico-methodological and sociocultural bases of civilization development of Kazakhstan reveal, axiological aspects of globalization process – in a context of a ratio of “the” and “others” cultural values are analyzed, complex research of factors of the cultural dynamics defining civilization development of the country is conducted. First of all, the categorial device of research demanded specification [1].

Having analysed the concepts “civilization” and “culture” in the history of philosophy and in the modern social theory, researchers developed conceptual and methodological models and research strategy of the analysis of cultural and civilization development of Kazakhstan. Conceptual models of cultural and civilization development of Kazakhstan has to be under construction, according to researchers, on the basis of the analysis of a polycentric network of social interactions and hierarchically organized system of their institutionalizing. As specifics of the sociocultural sphere of society consists that schemes of its judgment are the integrated part of the culture and the mechanism of its transformations, conceptual models of processes and structures of cultural and civilization development have to include themselves in subject domain of research.

Today, Kazakhstan shares borders with Russia, China, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan. Its geographical position in the heart of Eurasia makes it vulnerable to importing foreign ideas from ISIS and other extremist groups. Kazakhstan is one country in the former Soviet Union that has not experienced internal war since 1991. Kazakhstan regards the situation in Ukraine not as an example of renewed Russian imperialism, but rather as an example of inter-ethnic and inter-linguistic confrontation between peoples in the former-Soviet space. As a Tajik migrant worker in the bazaar explained to me, “In Ukraine, there are just two nationalities – Ukrainians and Russians – and look at them fight. In Kazakhstan, we have over 120 nationalities – Kazakh, Russians, Dungans, Koreans, Uighurs –

imagine if a conflict were to break out here!” Nazarbayev is largely credited with ensuring Kazakhstan’s national sovereignty, territorial integrity and the inviolability of its borders.

During the Soviet era, the Communist Party was the state, and the state was the Communist Party. Today, there are nine registered political parties in Kazakhstan, the largest of which is Nur Otan. Nur Otan holds 83 out of the 98 directly elected seats in the lower house of Parliament. The Nur Otan Party counts 850,000 dues-paying members and maintains offices in all 16 of Kazakhstan’s administrative divisions, as well as 241 local offices. By law, Nazarbayev is the Chairman of Nur Otan. Many Nur Otan offices are located in government buildings, and the Nur Otan platform constitutes the agenda for future reforms. Nur Otan’s dominant position in Kazakhstani politics reinforces the notion of the indivisibility between the party and the state. In this respect, to many Kazakhstanis, Nur Otan can be viewed as a contemporary iteration of the Communist Party [2]. A system with weak political parties is not a phenomenon unique to Kazakhstan; they exist throughout the former Soviet Union. Parties do not aggregate voters into groups and articulate a specific policy agenda based on constituent demands. Rather, parties are tools for elites to mobilize support for an individual charismatic leader. In Russia, for example, the “United Russia party” exists to sustain support for President Vladimir Putin, despite the fact that the Russian president is not formally a member.

Yet, in Kazakhstan, there are distinct groups with concentrated political interests. Ak Zhol is known as the “business party.” The Communist Party advocates for more socialist reforms and appeals to older members of the population. The Birlik, or “unity” party, advocates for social reforms. The Auyl Party is a social-democratic party that represents the rural, agrarian population and has its stronghold in the Southeastern regions. These parties suffer from insufficient financing and institutional disorganization. That said, there is little disagreement between the parties in areas of major policy considerations. Slowly, political parties are forming, and becoming more dynamic. When I spoke with Kusainov’s campaign team, they presented themselves as a green party that sought to implement ecological education programs in school curriculums and introduce incentives for businesses and individuals to adapt an environmentally conscious way of life. They acknowledged that Kusainov would likely lose, but asserted that the elections were an opportunity to present their ideas. They hoped that “if people vote for us, and our ideas, then in the new term, we can implement these reforms” [3].

While still conservative, Kazakhstan's political culture and party politics structure are maturing, thanks in large part to the demographic of the new governing elite. Previously head of the Bolashak Association – the government program that finances graduate studies overseas, Nurbek observed that Kazakhstani graduates of Western institutions bring back not only knowledge, but more importantly, values. These values include a preference for meritocracy and a rejection of nepotism, Western corporate culture, respect for intellectual property, and social capital. Kazakhstanis who are not able to study overseas can acquire a Western-style education at KIMEP in Almaty, or at Nazarbayev University in Astana. While these young, Western-educated Kazakhstanis are employed, they have not yet formed the “critical mass” in government and business that is substantial enough to generate comprehensive, institutional reform. But this is a matter of time; change is happening. According to the results of the “World Values Survey,” which Nurbek personally helped to carry out in Kazakhstan, 75 percent of respondents indicated health as their number one priority, followed by family, security, welfare, and relationships. This change is a reflection of Kazakhstanis' global engagement.

Reforming a political system and culture is a laborious endeavor that must confront the inertia of path-dependent social norms, behavioral pathologies, and interest groups. There is a generational divide between aging Soviet-era bureaucrats and their young, Western-educated counterparts. There are also regional divisions, as one-third of Kazakhstan's workforce is employed in agriculture. Rural populations are among the most conservative in their ideology and their remote location is an obstacle to engagement. Because many Bolashak alumni work in Almaty or Astana, ensuring an inclusive growth model that includes rural populations is among the major challenges confronting Kazakhstan.

REFERENCES

- 1 Inglehart, Ronald; Baker, Wayne E. // Modernization, Cultural change, and the persistence of traditional values. – 2000. – N 65(1). – P.21.
- 2 Daly, John C.K. Kazakhstan's Emerging Middle Class // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. - 2008. - P.74.
- 3 Скворцов О.Г., Скворцова Е.О. Цивилизационные вызовы XXI века: от конфликта сознаний к диалогу культур//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международное Отношения и Регионоведения». - №1-2(11-12). – 2013. – С.8-10.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ-МӘДЕНИ ИДІЛІКТІ ҰЙЫМДАСТЫРУЫНДАҒЫ ТІЛДІК ФАКТОР

Жоламанова А.Ж.¹

¹Абылай хан ҚазХҚжӘТУ магистранты
Мамандық «6M020200 - Халықаралық қатынастар»
Алматы, Қазақстан

Бұл мақала Қазақстандағы тілдік жағдай мен тілдік жоспарлауға шолу жасайды. Статистикалық деректер беріліп, Қазақстанда тілдер тарихына экскурсия жүргізіледі. Қазақ халқының ұлттық-мәдени құрамдас бөлігіне, атап айтқанда қазақ тілінің өзіндік ерекшелігіне этникалық сәйкестікке ерекше көңіл бөлінеді. Тіл - ұлттық сәйкестіктің негізгі аспектілерінің бірі. Жақында Қазақстан Республикасында тілдерді дамыту бойынша мақсатты жұмыс жүргізілді. Тіл проблемаларын оңтайлы шешу ұлтаралық қарым-қатынастарды үйлестіру, халықтарды нығайту және нығайту және қоғамдық келісім факторы болып табылады. Тілдерді дамыту - Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік саясаттың маңызды бағыттарының бірі. Қазақстандық қоғамның табысты интеграциялық үдерісінде ұлттық (азаматтық) сәйкестендіру бөлігі ретінде мемлекеттік тілдің мәселесі зор рөл атқарады. Жаңа азаматтық сәйкестілік негіздерінің бірі Қазақстанның барлық азаматтарының қазақ тілін меңгеруін дұрыс деп санайды. Мақала - мәдени ерекшеліктердің ерекшеліктерімен тығыз байланыста Қазақстандағы тілдік жағдайды талдау.

Тірек сөздер: ұлттық сәйкестік, тілдік жағдай, этникалық сәйкестік, тілдік мәселелер.

ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Жоламанова А.Ж.¹

¹Магистрант международных отношений,
КазУМОиМЯ им.Абылай хана
Алматы, Казахстан

Неопределенность тенденций социальных изменений, равновероятности реализации альтернативных моделей социального развития с особой силой и доказательствами показана в периоды радикальных и быстрых изменений, в которых была и наша страна. Грубые темпы научно-технического прогресса, формирование планетарных коммуникативных и информационно-финансово-экономических сетей, выход политических институтов, рынков труда, нормативные и ценные системы социальных взаимодействий в рамках национальных государств отражены в жизни стран и люди, говорящие о фундаментальных основах социальной и личной жизни людей, значительно меняют форму цивилизации. Глубоко противоречивые процессы трансформации социальной реальности включают противоположную направленность, а также ряд позиций - и взаимоисключающих тенденций: глобально взаимозависимый и взаимосвязанный мир в то же время потрясен на линиях геополитических, религиозных и этнических оппозиций. Изменения, происходящие на пространстве бывшего СССР в последние годы, представляют собой серьезный призыв к цивилизации для всех постсоветских республик, в том числе и для Казахстана.

Ключевые слова: культурная политика, культурные процессы, цивилизационный процесс, современный Казахстан.

Статья поступила 22.08.2017

UDC 329.78

IRSTI 11.15.67

THE NATIONAL YOUTH POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AS AN INSTRUMENT OF IDEAS OF SOLIDARITY AND TOLERANCE AMONG THE YOUTH

Zhabina Zh.R.¹, Abdrazakova L.²

¹Doctor of political sciences

Head of the Department of International Relations

²Master student, 1 course

Kazakh Ablai Khan UIRandWL,

Specialty: International Relations

Almaty, Kazakhstan

The article gives an analysis of the youth policy of the Republic of Kazakhstan. In modern Kazakhstan, young people are increasingly seeking ways to protect their rights and interests, thereby creating various institutions and organizations from the bodies of school and student government to youth parliaments, youth governments and various public organizations. In addition, the number of youth participation in political organizations (both pro-governmental and opposition) is increasing. Young people are able to openly declare their desire to build a new country, a new economy, a new policy. In the context of modernizing the country, which is so much and often said today, the notion of juvenization becomes topical.

Keywords: Youth, “Zhas Otan”, Head of state, social and economic development, infrastructure, national interests, national security, the Strategic Program Kazakhstan-2030.

The following youth movements were formed in Kazakhstan during the period of independence. Among them: “Zhas Otan”, “Association of Young Leaders”, “Youth Parliament of Kazakhstan”, “Youth Media Alliance of Kazakhstan”, “Kaisar”, “Kahar”, “Union of Patriotic Youth of Kazakhstan”, “Abyroi” and etc. Some still continue their activities, while others have unfortunately been disbanded. However, to date, there is no mass youth organization in Kazakhstan that can really protect the interests of young people. At the same time, most of the existing organizations are mostly state-owned and accordingly are pro-governmental in nature [1].

The most popular youth organization, of course, is “Zhas Otan”. This organization is youth wing of the People’s Democratic Party “Nur Otan”, which was created in the form of a public association at the 1st Congress “Zhas Otan” on May 14, 2008 in Astana. The organization has branches in all regions of the country, the cities of Astana and Almaty, as well as branches at the district and city levels. The central council of the youth wing “Zhas Otan” includes deputies of the mazhilis of the parliament of Kazakhstan, maslikhats of all levels, leaders of youth NGOs, young athletes and cultural figures.

The youth wing “Zhas Otan” shares and supports the ideas of the People’s

Democratic Party “Nur Otan”. The stated mission of the organization is the consolidation of the youth of Kazakhstan on the basis of the policy platform of the President of the country with a view to ensuring the modernization leap in the development of the country; the goal is to create a strong and authoritative political youth organization capable of leading the youth. To fulfill the mission and achieve the main goal, Zhas Otan set a number of priority tasks that determine the main directions of the organization’s work:

The consolidation of young people in support of the policy of the President of the country. This task implies ensuring the unification of the country’s youth on a state-patriotic basis, developing comprehensive measures to increase youth’s trust in the Nur Otan Party, and further strengthening the authority of the country’s president in the youth environment.

Creation of an effective system of youth development. Within the framework of this task, the organization developed a set of measures to ensure the effective participation of the youth wing “Zhas Otan” in the process of gaining experience of socio-economic, civil, political and other socially significant activity by young citizens of the country.

Protection of the rights and interests of young people - ensuring the completeness and quality of the implementation of rights and state guarantees for young people provided for by the current legislation.

Expansion of the social base of the NDP “Nur Otan” through the involvement of a wide range of young people in the activities of the youth wing “Zhas Otan”. The formation of a personnel reserve for the party and state bodies. The task involves the creation of a system for identifying, training and recruiting young leaders capable of becoming a recruiting staff for the Nur Otan party and state authorities.

The German sociologist Karl Mannheim determined that young people are a kind of reserve that comes to the fore when such revitalization becomes necessary to adapt to rapidly changing or qualitatively new circumstances. Dynamic societies sooner or later must activate and even organize them (resources that in traditional society are not mobilized and not integrated, but are often suppressed).

Young people, as a special age and social group, always perceived the values of culture in their own way, which at the time created young slang and shocking forms of subculture. Their representatives were hippies, beatniks, dudes in the USSR and the post-Soviet space - informal people.

Young people are a generation of people who pass through the stage of socialization, who acquire, and in more mature age have already acquired, educational, professional, cultural and other social functions.

Another different and more detailed definition was given by IS Kohn [2]: Youth is a socio-demographic group, allocated on the basis of a set of age characteristics, features of the social situation and the socio-psychological properties conditioned by both. It was this definition that later became the main in the national sociology of youth:

Youth as a specific phase, the stage of the life cycle is biologically universal, but its specific age limits, its social status and socio-psychological features are socio-historical in nature and depend on the social system, culture and the socialization patterns peculiar to a given society.

The results of some studies show that young people are generally politically motivated. More than half of young people participate in elections; many of young citizens under the age of 35 are interested in politics.

At the same time, politics is interested in young people quite intensively, especially during the period of election campaigns [3].

In politics without a strategic development plan, it would be impossible to set short-term and tactical tasks for the state, society and individual. The strategic plan is a kind of development ideology. A striking example of such a comparison can serve as the Strategic Program Kazakhstan-2030, which for Kazakhstanis has become a national idea of development, prosperity, security and improvement of well-being.

As a far-sighted politician, the head of our state N. Nazarbayev in his Message to the people of Kazakhstan “Kazakhstan-2030: Prosperity, Security and Welfare Improvement of All Kazakhstanis” in 1997 determined the course of development of the republic. The strategic program is focused on the future: time will pass quickly, and it will be a reality for today’s youth, the future generation will reap its benefits.

For the current decade, the Strategic Plan for the Development of the Republic of Kazakhstan until 2020 has been approved by the Head of State [4]. This strategic document identifies a number of tasks for the further development of the economy; the creation of conditions for a qualitative improvement of the business environment; strengthening the social component of public policy.

This provides an opportunity to systematically look at the problems of the development of the state, to approach scientifically the formulation of the strategic landmarks to be achieved, the challenges that need to be addressed, and the priorities for action at the regional, departmental and interagency levels. When developing the forecast, key aspects related to current and new external and internal threats to national security were taken into account.

State policy towards young people should create conditions that would allow the younger generation to gain their independence as soon as possible, to maximize their abilities and realize their vitality, and be ready to assume responsibility for the future of the country. The basis for a new youth policy should be full trust in youth, support of youth initiatives, and protection of rights and interests of young people. Youth movement should be free, reorganization, strict regulation inevitably leads to a decrease in its activity. The profound transformations taking place in the country make it imperative to activate the activities of all segments of the population, especially young people, while the systemic domestic policy of the state should be the regulating factor.

The process of socialization of the younger generation can not go on its own, in isolation from the processes that are taking place in modern society, at this stage of its development. In order to direct this process in the right direction, a new state youth policy is needed, the result of which would be a smooth entry of the younger generation into the market realities of the present and an awareness of the need for its active role in the process of reforming our society.

State youth policy pretends to become fundamental in the system of social and economic development of the country. At its core, youth policy is a necessary component of the development of any country.

In addition, the task of patriotic education of young people is to show the younger generation the meaning, content and goals of religious associations in Kazakhstan. It is necessary to create a new system of education of Kazakhstan's patriotism. Propagation of national ideology, education of Kazakhstanis by stimulating the development of national cultures, languages, customs and traditions, education of national patriotism on the example of historical consciousness of Kazakh and other ethnic groups living in Kazakhstan. Such an ideology will help solve the problems of strengthening Kazakhstan's political independence, ethno-political and ethno-cultural community of Kazakhstanis, moral, physical and ecological recovery of the population. It actively opposes chauvinism, separatism, nationalism, manifestations of tribalism and national isolation. It is important that the state ideology act as a healing spiritual force in all spheres of life of Kazakhstani society.

It should also be noted that the core of the new ideology of Kazakhstan is the spiritual and historical heritage of the Kazakh ethnos. It is enriched by using the humanistic, moral potential of the entire polyethnic people of Kazakhstan.

In this case, patriotism should become a priority in the education of the citizenship of the younger generation of the country. Now before us, before the state power, is the task to create a system of educating youth, based on patriotism, moral and moral integrity, human legal culture. For the modern Kazakhstan society it is important that everyone not only remembered his history, was proud of his country and understood that the happiness of everyone depends on the success of the country, but he did not remain indifferent to the events taking place in the state.

Thanks to an effective patriotic policy, today Kazakhstan has achieved a stable public consensus. Citizens of the country are unanimous in relation to the unconditional need for patriotism, which is observed in everyday life.

The youth policy of modern Kazakhstan is determined by two principal factors of general order. First, the interests of the state in this historical period, which can be provided with the necessary resources. For modern Kazakhstan, this means ensuring sustainable development along the democratic path, enhancing the security of citizens, society and the state. This strategic interest requires the formation and implementation of state youth policy, because only the modern generation of young people will be able to approve and use democratic values and principles in all spheres of life of Kazakhstan society in 15-20 years. Secondly, youth policy is determined by the needs of the youth themselves, its social, economic, legal status. The current state of Kazakhstan's youth as a special social group of the population is directly reflected both in the goals, directions, structure of the youth policy of the Republic of Kazakhstan, and on the effectiveness of its implementation [5]. The state's activities in the sphere of youth interests and relations are quite consistent with the level of politics. The existence of specific goals and directions, their legal and resource support, management structures, their real activities in implementing the planned programs, all this indicates the existence of a well-formed state youth policy in the Republic of Kazakhstan.

In conclusion, increasing the effectiveness of the youth policy of the state of Kazakhstan will serve to improve the coordination of activities of all structures of the state and civil society involved in the implementation of youth policy. It is advisable to establish a vertical of executive power in the management of youth policy on the basis of coordination and joint work of state, regional and municipal bodies [6]. This refers to the regulatory legal, financial, information and analytical, staffing of the state youth policy. It is necessary to form a modern infrastructure of youth policy that can provide various needs and interests on the ground for young people, stimulate

the development of youth socio-political centers, clubs, organizations, providing them with resource support. Prospects for successful economic development and preservation of the country's social and political stability allow one to assume an increase in the level of rationality and effectiveness of the youth policy of the Republic of Kazakhstan in the coming years.

REFERENCES

1 Мукашев Т.Т. Молодежная политика как составная часть государственной социальной политики. - Астана: Академия государственной службы при Президенте РК, 2002 - С.83.

2 Зайниева Л.Ю. Государственная молодежная политика: Казахстан в контексте мирового опыта. – Алматы: Дайк-пресс, 2006 - С.53

3 Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. - 528 с.

4 The address of the President of the Republic of Kazakhstan – the Leader of the Nation N.A.Nazarbayev to the people of Kazakhstan. «Social and economic modernization – the main vector of development of Kazakhstan» // Kazakhstanskaya Pravda. – 2012. – 28 February.

5 Concept of the state youth policy of the Republic of Kazakhstan. The order of the President of the Republic of Kazakhstan. August 28. 1999. No.73. – Astana, 1999.

6 Раев Д.С., Пралиев А.Т. «Мәңгілік Ел» идеясы: ұлттық және жалпы адамзаттық құндылықтардың қызметтері мен қағидалары //Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международное Отношения и Регионоведения». - №2(24). – 2017. – С.29-37.

ЖАСТАР АРАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ЖӘНЕ ТОЛЕРАНТТЫҚ ИДЕЯСЫНЫҢ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЖАСТАР САЯСАТЫ

Жабина Ж.Р.¹, Абдразакова Л.²

¹Саясаттану ғылымдарының докторы,
халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ
Алматы, Қазақстан

E-mail: kmo@ablaikhan.kz

²Абылай хан ҚазХҚжӘТУ магистранты
Мамандық «6М020200 - Халықаралық қатынастар»
Алматы, Қазақстан

Қазақстан Республикасының жастар саясаты мақалада талдау беріледі. Көбінесе қазіргі Қазақстанда жастар мен студенттік өзін-өзі басқару органдарынан өздерінің құқықтары мен мүдделерін қорғау тәсілдерін табу ұмтылады, осылайша түрлі институттар мен ұйымдар құрылады, жастар үкіметтері мен әртүрлі қоғамдық ұйымдардың жастар дейін мектеп іске асырылуы мүмкін. Бұдан басқа, жастардың қатысуы саяси ұйымдар саны артады (қалай да, билік оппозициялық). Бәрі шетінен өзінің тілегі туралы мәлімдеуге жаңа экономикаға, жастар елге жаңа саясатын ұсынылады. Елді жаңғырту аясында бүгін өте көп және жиі болады дейді, ол туралы өзекті ювентизация ұғымы.

Тірек сөздер: Жастар, «Жас Отан», Елбасы, әлеуметтік және экономикалық даму, инфрақұрылым, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан-2030 стратегиялық бағдарламасы.

МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕЙ СОЛИДАРНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ

Жабина Ж.Р.¹, Абдразакова Л.²

¹Доктор политических наук,

Зав.кафедрой международных отношений

²Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана, 1 курс

Специальность: Международные отношения

Алматы, Казахстан

В статье дается анализ молодежной политики Республики Казахстан. В современном Казахстане молодежь все больше стремится найти способы защиты своих прав и интересов, тем самым создавая различные институты и организации от органов школьного и студенческого самоуправления до молодежных парламентов, молодежных правительств и различных общественных организаций. Помимо этого, возрастает количество участия молодежи в политических организациях (как провластных, так и оппозиционных). Молодые люди умеют открыто заявлять о своём желании строить новую страну, новую экономику, новую политику. В контексте модернизации страны, о которой так много и часто сегодня говорят, актуальным становится понятие ювентизации.

Ключевые слова: молодёжь, Жас Отан, Глава государства, социальное и экономическое развитие, инфраструктура, национальная безопасность, стратегическая программа Казахстан-2030

Статья поступила 08.09.2017

THEORETICAL BASIS OF THE RESEARCH “DIGITAL DIPLOMACY: THEORY AND PRACTICE”

Zhamilov A.M.¹

¹Master student of Abylai Khan KazUIandWL
Specialty 6M020200 - International relationships
Almaty, Kazakhstan
E-mail: abay00@mail.ru

Practice of methods of digital diplomacy is considered in the article. The article is devoted to the actual for today problem of promotion of methods of digital diplomacy in the process of attracting a multi-million audience, application of social networks as a tool that promotes active development of the level of public diplomacy.

Keywords: information community, diplomacy, mobile technologies.

УДК 316.472.3
МРНТИ 11.25.91

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ «ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Жамилов А.М.¹

¹Магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана
Специальность 6M020200 - Международные отношения
Алматы, Казахстан
E-mail: abay00@mail.ru

В статье рассматривается практика методов цифровой дипломатии. Применения новых технологий в сфере цифровой дипломатии. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме продвижения методов цифровой дипломатии в процессе привлечения многомиллионной аудитории, применения социальных сетей в качестве инструмента, способствующего активному развитию уровня публичной дипломатии.

Ключевые слова: информационное сообщество, дипломатия, мобильные технологии.

В качестве ведущих акторов на геополитической сцене выступают не только традиционные игроки в виде государств, но и внесистемные силы в виде транснациональных террористических сетей. В результате, «градус напряжения» в международных отношениях с каждым годом растет, все больше напоминая военные действия.

В свое время известный государственный деятель КНР Чжоу Эньлай говорил: «Всякая дипломатия есть продолжение войны другими средствами». Учитывая современные методы ведения боевых действий с использованием «гибридных технологий», «сверхточного оружия» и «сил специального назначения», требуется всеобщая мобилизация и полномасштабная модернизация отечественного дипломатического ведомства.

В ходе системной трансформации организационной структуры и внедрения новых принципов деятельности дипломатической службы необходимо ориентироваться на следующие стратегические приоритеты: обеспечение многофункциональной гибкости, эффективное использование «цифровых возможностей», поддержание высокой интеллектуальной мобильности.

В условиях глобального кризиса казахстанских корпус дипломатов должен быть похож на «мобильные силы специального назначения», а не на огромную неповоротливую «армию старого образца». Нужно сфокусировать усилия на качественном развитии кадров, а не их количественном росте. «Дипломатический спецназ» должен действовать профессионально, решая самые сложные задачи в максимально сжатые сроки, используя при этом минимальный объем ресурсов и средств.

Для создания компактного и высокоэффективного корпуса

профессиональных дипломатов, способных достигать целей «не числом, а умением», требуется совершенно новая система подготовки кадров. Нужен персональный подход к подбору каждой штатной единицы, поскольку любое «слабое звено» в небольшой команде может привести к срыву работы всего ведомства, цена ошибки слишком велика. Успешный дипломат – это не продукт массового производства, а «штучный товар», требующий нестандартных подходов и инновационных методик подготовки.

Учитывая новую глобальную реальность в экономике, главным критерием оценки эффективности деятельности дипломатических представительств за рубежом становится привлечение иностранных инвестиций и обеспечение продвижения отечественного бизнеса на рынки страны пребывания.

В этой связи, сотрудники наших посольств должны не только безусловно владеть «набором классического инструментария» в виде совершенного владения иностранными языками, ораторским искусством и эффективными техниками ведения переговоров, а также навыками системного анализа и прогнозирования, но и обладать знаниями и талантами профессионального фандрейзера [1, с.175].

В этом контексте имеет смысл подумать о привлечении на дипломатическую службу людей, имеющих практический опыт в сфере финансов и инвестиционного менеджмента, в продвижении и управлении большими экономически-значимыми проектами. Это могут быть бизнесмены, инвест-банкиры, брокеры, маркетологи, продюсеры и в целом специалисты, понимающие реальные механизмы функционирования фондового рынка и корпоративного сектора, а также знающие нюансы заключения инвестиционных сделок и деловых соглашений между бизнес-партнерами. Такой подход позволит значительно повысить эффективность дипломатической службы в рамках достижения стратегической цели по вхождению Казахстана в число 30 ведущих стран мира.

Дипломатическое ведомство не должно превращаться в некую «элитную корпорацию» недоступную для простых граждан и рассматриваемую многими чиновниками в качестве определенной «синекуры для избранных». Дипломатическая служба – это не спокойный «теплый и беззаботный тыл», а полный опасностей и вызовов «передний фронт борьбы» за будущее нашего государства. Здесь требуются стойкие самоотверженные солдаты, способные работать «24 часа в сутки», а не преисполненные чувством собственной важности генералы периодически «впадающие в спячку».

Сегодня в диппредставительствах страны востребованы

профессионалы высочайшего класса, совершенствующие свои навыки и знания на протяжении всей жизни, посредством прохождения специализированных курсов и тренингов.

Вместе с тем, главным их конкурентным преимуществом должен стать клиенто-ориентированный подход в работе – это ключевой принцип деятельности современных дипломатов. Снобизм и дилетантизм в общении с потенциальными инвесторами и туристами приводит к печальным результатам – растет количество «пустых меморандумов», а реальный интерес к сотрудничеству и посещению нашей страны исчезает уже на уровне «обращения в посольство».

Необходимо постоянно изучать потребности своих потенциальных клиентов, совершенствуя ассортимент и систему предоставления услуг. Дипломаты являются своеобразными маркетологами и пиар-менеджерами нашей страны на локальных и глобальных рынках, которые должны умело адаптировать свой продукт под запросы местной публики, акцентируя их внимания на его сильных сторонах и выигрышных характеристиках. Важно системно исследовать не только государственные программы и международные инициативы страны пребывания, но и уделять пристальное внимание стратегиям и проектам их ведущих корпораций, а также отслеживать потребительские настроения на туристическом рынке.

В современном мире все большее влияние и роль приобретают цифровые технологии. Уже продолжительное время существуют такие понятия как «электронное правительство», «электронная коммерция», «электронная партия» и масса других. Все это говорит о том, что подобные технологические новации назрели и в дипломатической сфере, поэтому необходимо изучить вопрос по разработке «электронного посольства» и «электронного консульства». Эти инновационные проекты позволят значительно оптимизировать финансовые расходы, повысят оперативность и скорость обслуживания клиентов и в целом улучшат качество и эффективность работы диппредставительств.

Сегодня ведущие страны мира, такие как США уже имеют в своем внешнеполитическом арсенале digital diplomacy, которая доказала свою состоятельность и востребованность в современных условиях.

В этой связи, нужно приступить к созданию казахстанской концепции цифровой дипломатии, способной в значительной мере расширить зону влияния нашей страны. Виртуальная реальность не зависит от ограничений физического пространства и открывает окна возможностей для продвижения наших идей и инициатив на глобальном уровне. Важно задействовать для достижения своих целей не только

традиционные сайты, но и всю мощь глобальных социальных сетей.

Стоит отметить, что основным трендом последних лет в цифровой индустрии стало стремительное продвижение мобильных технологий. В результате, сегодня большая часть пользователей заходит в интернет посредством мобильных устройств, поэтому крайне актуальным вопросом становится разработка специальных мобильных приложений для смартфонов, с помощью которых наши посольства будут всегда доступны и смогут эффективно взаимодействовать со своими клиентами.

На фоне быстрого расширения масштабов использования в общественно-политической жизни социальных медиа возникла необходимость в разработке новых научных подходов к социальным сетям, которые построены на инновационной технологической базе. В 2011 году агентство *DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency)* начал работу по проекту *SMISC (Social Media in Strategic Communication)*. В проекте исследования отмечалось, что условия, в которых вооруженные силы США проводят свои операции, быстро меняются по мере распространения сайтов социальных сетей, блогов и технологий обмена аудиовизуальной информацией, причем эти изменения только ускоряются с развитием мобильных информационно-коммуникационных технологий. Изменения в природе современных международных конфликтов, инициированные применением социальных медиа, являются столь глубокими, что и изменения, вызванные предыдущими социальными и научно-техническими революциями. Поэтому главной задачей проекта *SMISC* являлась разработка новых научных подходов к социальным сетям; а именно: проект предполагал разработку автоматизированных и полуавтоматизированных инструментов и технологий для систематического и основанного на соответствующих методиках использования социальных медиа для того, чтобы:

- ✓ распознавать структуры кампаний по убеждению и операций влияния в рамках социальных сетей и сообществ;
- ✓ идентифицировать участников и намерения и измерять эффект от проведения кампаний по убеждению;
- ✓ противостоять сообщениям, передаваемым враждебной стороной в ходе выявленных операций влияния;
- ✓ выявлять, классифицировать, измерять и отслеживать следующие направления: образование, развитие и распространение концепций и идей, а также целенаправленность вводящих в заблуждение сообщений и дезинформации.

В итоге к концу 2011 года Лаборатория передовых

технологий *LMATL (Lockheed Martin Advanced Technology Laboratories)* разработала инструмент анализа социальных сетей и динамики мнений *SNODA (Social Networks and Opinion Dynamics Analysis Tool)*, который был предназначен для моделирования, анализа и визуализации распространения мнений в больших социальных сетях. Кроме того, *SNODA* позволяет моделировать изменение мнений. Апробация и эксперименты были проведены на членах специально созданного искусственного виртуального сообщества.

В области организации контроля за киберпространством и анализа социальных сетей заслуживает внимания разработка лаборатории *PNULL (Pacific Northwest National Laboratory)* – визуальная аналитическая среда *Starlight (Starlight Visual Information System, VIS)*. В число пользователей системы входят Агентства национальной безопасности, ФБР, ЦРУ, Разведывательное управление министерства обороны США, министерство обороны Великобритании, управление полиции города Нью-Йорка и др. *Starlight* – это технологическая платформа для визуального анализа, которая позволяет пользователям в интерактивном режиме переключаться между различными представлениями информации, то есть одновременно работать, например, с геопространственными, временными, сетевыми и другими формами отображения.

Среди средств работы с социальными сетями следует отметить технологии британско-американской компании *i2*, которые помогают автоматизировать аналитическую деятельность, обеспечивая поиск скрытых закономерностей и связей и визуализируя объекты анализа. Разработки *i2* представляют собой аналитическую среду, позволяющую легко интегрироваться с геоинформационными системами (*geographic information system, GIS*) и другими технологиями аналитической обработки данных. Среди технологий *i2* есть модуль *SNA (Social Network Analysis)*, нацеленный на анализ и понимание сложных сетей путем измерения или «взвешивания» взаимодействия между ними. Этот модуль комбинирует организационную теорию с математическим моделированием и берет свое начало в социологии. Ключевой концепцией в анализе социальных сетей является центрированность (*centrality*). Сеть с высокой центрированностью управляется одним человеком, который контролирует основные информационные потоки и является потенциальной точкой сбоя связи. Сети с меньшими степенями центрированности не имеют таких слабых мест, и сеть будет продолжать функционировать даже в случае выхода каких-либо каналов из строя.

Здесь следует сказать несколько слов о «сетецентризме». Впервые

термин «сетевый» (network centric) был использован вице-адмиралом военно-морских сил США Артуром Себровски и Джоном Гарсткой в статье, опубликованной ими в журнале Proceedings в январе 1998 года, «Сетевая война: ее происхождение и будущее». Затем данная концепция была доработана и представлена в книге Джона Гарстки, Дэвида Альбертса и Фреда Стейна. «Сетевая война» по сути не является новым типом войны, а новым подходом к подготовке, организации и ведению боевых действий, где в центре внимания оказывается сеть. Причем наиболее важным аспектом являются принципы ее организации и во многом самоорганизации. В основе такой сети лежит глобальная информационная решетка [2, с.242].

GIG – глобально взаимосвязанное, сквозное множество информации, которая накапливается, хранится, распространяется и распределяется по запросу от военных, политических деятелей и обслуживающего персонала. GIG включает свои и арендованные коммуникации, компьютерные системы и сервисы, программное обеспечение (в том числе приложения), данные, сервисы безопасности, другие связанные сервисы, а также системы обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, продолжающаяся технологическая и контентная революция в средствах массовой коммуникации по ряду основных показателей усложняет взаимодействия участников международных отношений.

Невиданный ранее формат тесного взаимодействия между обществом и дипломатическими ведомствами делает современную дипломатию чрезмерно публичной, с одной стороны, и менее сдержанной – с другой. В этих обстоятельствах очень важно, сохраняя информационную инициативу и применяя новые современные средства коммуникации с их специфическим стилем общения, не допускать падения уровня политической культуры, как это произошло с дипломатическим ведомством США и некоторых других стран.

В наше время в условиях нарастания геостратегической нестабильности в мире возрастает значимость аналитических и прогнозных функций дипломатической службы. По мнению авторитетных экспертов: «Дипломатия – это искусство предвидения непредвиденного». Важно понимать, что качественный анализ и проработка различных сценариев развития международной ситуации является основанием для стратегически верных и тактически выверенных решений, обеспечивающих безопасность и конкурентоспособность нашей страны на глобальных и региональных рынках.

Для получения достоверной и объективной информации, а также эффективной проработки исследовательских вопросов, необходимо использовать апробированный метод организации командной работы экспертов, посредством организации всевозможных профильных «круглых столов» и конференций, как в стране пребывания, так и в Казахстане.

Базовым институтом формирования и накопления международной экспертизы и баз данных в интересах нашей страны может выступить Казахстанское агентство по оказанию помощи развитию и технического содействия KazAID.

В целом, нашим дипломатам нельзя слишком буквально понимать высказывание американского президента и генерала Дуайта Эйзенхауэра: «Дипломат – это человек, которому много платят за то, чтобы он долго думал, прежде чем ничего не сказать». Всесторонний обмен мнениями и интенсивный диалог создают предпосылки для возникновения атмосферы доверия и понимания между партнерами. Для будущего страны важно, «что» и «как» говорят наши дипломаты, насколько они точны и убедительны в своих высказываниях, а это в свою очередь зависит от их качественного информационно-аналитического обеспечения [2, с.243].

ЛИТЕРАТУРА

1 Седунов А.М., Гурулева Т.Л., Скрипкарь М.В. Навыки необходимые дипломату //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2013. - № 8-3. - С. 175-176.

2 Сурма И.В. Цифровая дипломатия в глобальной политике // Государственное управление. Электронный вестник. - 2015. Апрель. – Вып. № 49. – С. 242.

ЗЕРТТЕУДІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ НЕГІЗІ «САНДЫҚ ДИПЛОМАТИЯ: ТЕОРИЯСЫ ЖӘНЕ ПРАКТИКА»

Жамилов А.М.¹

¹Абылай хан атындағы ҚазақХҚжӘТУ, магистр,
6M020200 - Халықаралық қатынастар
Алматы, Қазақстан
E-mail: abay00@mail.ru

Мақала сандық дипломатияның әдістерін тәжірибесін зерттейді. Сандық дипломатия саласындағы жаңа технологияларды қолдану. Мақала берген күннен, миллиондаған аудиторияны тарту процесінде сандық дипломатия әдістерін ілгерілету, қоғамдық дипломатия деңгейінде белсенді дамытуға жәр демдесу құралы ретінде әлеуметтік медиа пайдалану арналған.

Тірек сөздер: ақпараттыққоғам, дипломатия, ұялы технология.

Статья поступила 18.08.2017

UDC 811:37

IRSTI 14.91

WAYS OF ACCESS OF THE YOUNG GENERATION OF COMPATRIOTS TO THE MODERN EDUCATIONAL SYSTEM OF KAZAKHSTAN

Tuebayeva N.¹

¹Master student of Kazakh Ablai Khan UIRandWL,
Specialty International Relations,
Almaty, Kazakhstan

The globalization of the economy and the uneven socio-economic development of countries have led to the fact that the migration of the population has acquired unprecedented importance in the modern world. The Republic of Kazakhstan became an active participant of the world migration processes for the years of independence. Social and economic stability, sustainable economic growth and rising living standards, the absence of interethnic conflicts, a large territory and an advantageous geopolitical position have turned Kazakhstan into one of the centers of attraction of migration flows.

Keywords: compatriots, culture, education, values, national interests, migration.

In the traditional Kazakh culture, the provision of education for children was the main stimulus for the development of the family, since the status of an educated person in society was immeasurably high. In many ways, this explains the desire of modern Kazakhs to provide access to higher education for the younger generation. Ethnic repatriates - compatriots, face many difficulties along this path, the overcoming of which requires not only state intervention, but also their cryptic comprehension from the point of view of modern theoretical and methodological approaches [1].

Families of compatriots, as the main motivation for moving to their historical homeland, indicate the creation of favorable conditions for the development of their children's abilities in their native cultural environment and further social advancement. It is through obtaining the necessary professional skills and a cherished document on the completion of higher education that they can apply for a job. The government of Kazakhstan, in its own way, views education as one of the channels and tools for "leveling" their opportunities for progress in the socio-economic space, with an "unequal" start [2].

Under the "unequal":

1) Differences in the systems and content of education in the countries of the outcome of compatriots (China, Mongolia, Uzbekistan, Russia, etc.). Migrants from the countries of the former USSR - Uzbekistan, Russia, and Turkmenistan - have for a long time passed through the Soviet education system and, with a few exceptions, have a sufficient command of the Russian language, and are familiar with post-Soviet difficulties. Compatriots from Mongolia have some similar features - the Kazakh language in Cyrillic, as well as many components of the education system. The greatest difficulties should be experienced by Kazakhs from China because of difficulties in

writing and reading Kazakh texts (in the PRC, Arabic graphics are used - this jazz), and innovations in the structure of written Kazakh language (phonetics, syntax, spelling, morphology, vocabulary, semantics). However, the fact that they demonstrate great adaptive opportunities in the economic sphere (private business, trade) proves their high ability to assimilate new knowledge. In general, the majority of compatriots demonstrate the high social and cultural capital accumulated by several generations.

2) peculiarities of the cultural background and forms of the educational process - language, font, specifics and duration of teaching subjects that are necessary for successful passing exams / tests and enrolling in a university: Kazakh language and literature, history of Kazakhstan, a foreign language, world history for the further stages in the process of education (some compatriots enter the quota, but “gaps” in knowledge from the educational base of the secondary school do not give them the opportunity to fully absorb special subjects in the university). Many of our young respondents noted that they received low UNT points for the Kazakh language and the history of Kazakhstan, since they did not fully study them in Mongolia and China, and one year of education in preparatory courses is, in their view, small for quality preparation for UNT. The introduction of testing at the reception stage in the educational institutions for oralmans for the identification of their “weak” sides - the language competence, the ability to do this or that, will allow them to build a system for their preparation for school and higher education institutions, and to orient them when choosing a particular profession. There is no need to create a special educational institution for compatriots [3], which is not practiced in any country in the world (there are no special educational institutions for migrants, regardless of their ethnic origin) [4], where migrants are gradually integrated into the educational program. on a general basis with the help of preparatory courses and self-preparation. Rules for admission to educational institutions also do not provide for special examinations for migrants and foreign students. Exam questions and assignments are the same for everyone.

The only exception is the United States and Canada, which set special criteria for assessing knowledge for the indigenous population and financial benefits for some groups of migrants. In Kazakhstan, oralmans, when obtaining quotas for higher education, are equated with orphans and invalids, which implies their weak opportunities for access to education primarily by physical and socioeconomic factors, but not by intellectually.

3) the unsettled legal status of most of the young people who come to Kazakhstan beyond the quota do not have citizenship, and thus are exposed to various kinds of risks, the interpretation of which also requires a certain “social and intellectual baggage” acquired during various stages of educational socialization;

4) “Cultural shock” from the difference between the “imaginary” land of ancestors and the modern realities of Kazakhstan society. The

cultural capital of the older generation of compatriots, accumulated outside Kazakhstan (since the time of the first repatriates, the second generation has already grown), forms the cultural capital of their children and this affects cognitive assimilation with new Kazakhstan realities, social assimilation and assimilation of (The temporary coexistence of several border identities and the development of a new one - the Kazakh one). Compatriots consider them culturally self-sufficient; are carriers of traditional / primordial Kazakh culture. They come to the country with an already formed worldview and a system of values (material and spiritual) both in relation to the country and people, culture, and to the country of origin, and always compare where it is best for them and their children and what is more or less evil after move and before it. After moving, they realize that language competence (good Kazakh language) is not an urgent necessity for survival in the country after arrival, since Russian is the working language for communication. The process of adaptation and subsequent assimilation consists of several cognitive stages-the acquisition of knowledge about the receiving society and it's institutional, but if most of the professional knowledge in Kazakh universities of knowledge is transmitted in Russian, then it is necessary to help the compatriots in their assimilation.

5) Generational gap - the majority of young compatriots live far from their parents, their control and the necessary social and moral support, and young people are forced to solve complex tasks to “tie” the torn strands of the past and present into a single logically glued canvas, sometimes without the need for this necessary life experience and knowledge.

6) Compatriots do not represent a monolithic community, since they came from different countries; have different socio-economic resources, and social network systems for successful “integration” in Kazakhstan’s realities. But compatriots from Mongolia and China are considered the most organized in terms of preparing for relocation, organizing assistance through social networks to each other (members of their families and friends / fellow tribesmen), advice and assistance in organizing their business, as well as other forms of social interaction. The most prepared for a competitive environment and ambitious are considered to be compatriots from China who have passed a good school of political education within the framework of the constructed autonomy and the system of competing identities in the XUAR. Familiarization with the mechanism of the educational process in China, for example, will help to build and a system of balanced and effective training of young compatriots for universities in our country. If the first wave of migrants was in a state of euphoria about the prospects of the future on the historic homeland that had opened its embrace, then subsequent compatriots were already aware of the upcoming difficulties and using “smart” strategies - only a few or even one family member, and the older generation helps them emotionally and morally. In addition, social networks are involved - blood relations and community relations.

7) Compatriots are a unique socio-cultural product of two worlds - Kazakh, preserved by their ancestors in a foreign culture environment in the hope of returning to their historical homeland, and unwillingness / fear of losing their identity due to the need for adaptation and possibly subsequent assimilation with other ethnic groups in the host country, through the adoption of elements of their culture (most often several cultures) in the host country, and the dominant culture in society is Mongolian / Chinese / Turkish / Russian / Karakalpak. Living in an inocultural environment crystallized the ethnic component of identity, and with the necessity formed the need for every minute work on oneself - behavioral control, sifting and filtering of incoming information, building a decision-making scheme. The young generation of compatriots carries features of both the country of origin and the transitional features of new migrants (transnational repatriates), which can lead to the formation of hybrid identities and cultural practices, if not to integrate the components of the modern education system into the processes of their adaptation.

The new reality in Kazakhstan, which has grown since the collapse of the Soviet Union, largely derived from the Soviet past, does not coincide with the expectations of young compatriots. Since 1991, there is a process of modification of old models of life, but not radical transformation. The most severe faults in the minds and behavior of people were experienced by the mid-1990s, largely due to accumulated life experience, proven survival practices, common sense and cultural forms of understanding reality. Without Soviet baggage, the population would not have been able to cope with the burden, sometimes overwhelming for many, of the problems that hit them. For most of Kazakhstan's people, independence (for ethnic Kazakhs, first of all) all the obstacles were justified by a single statement: "But now we have independence, our state." Entry into the cultural and intellectual field of modern Kazakhstan for young compatriots is possible in the educational process through the division of value orientations and moral and ethical norms, even a joint hostel (sanitary and hygienic standards, value scale of motivations and judgments) [5].

Education as an open system in the form of communicating vessels (society and its challenges - young people through the interpretation of knowledge) is designed to help young compatriots to rethink a different vision of the past through "acquaintance and assimilation" of universally valid social / political cultural symbols, to assess their "unequal opportunities" in present as temporary to create a foundation for a joint future in the process of a managed competitive educational process.

REFERENCES

1 В Алматы планируется открыть специальный университет для оралманов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.gazeta.kz/art.asp?aid=152817> - (дата обращения 16.08.2017).

2 «Нурлы кош» - программа действий [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.zakon.kz/130010-nurly-kosh-programma-dejstvujj.html> - (дата обращения 16.08.2017).

3 Выравнивание возможностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/7221-> (дата обращения 16.08.2017).

4 Кто есть кто в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kazbio.info/?S=229> - (дата обращения 16.08.2017).

5 Искалиев М.Д., Муратова Р.А. Инновационная специфика триады «наука-образование-производство»//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия МО и Регионоведения. - №4(22). – 2015. – С.21-30.

ЖАС ҰРПАҚТЫ ОРАЛМАНДАРДЫҢ ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАННЫҢ БІЛІМ БЕРУ ЖҮЙЕСІНЕ ҚОЛ ЖЕТКІЗУ ТӘСІЛДЕРІ

Тубаева Н.¹

¹Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, 1 курс магистр,
6М020200 - Халықаралық қатынастар
Алматы, Қазақстан

Экономиканың жаһандануы және елдердің біркелкі емес әлеуметтік-экономикалық дамуы халықтың көші-қоны қазіргі әлемде бұрын-соңды болмаған маңыздылыққа ие болуына әкелді. Қазақстан Республикасы Тәуелсіздік жылдарында әлемдік көші-қон процестерінің белсенді қатысушысы болды. Әлеуметтік-экономикалық тұрақтылық, тұрақты экономикалық өсім және халықтың тұрмыс деңгейінің жоғарылауы, этносаралық қақтығыстардың болмауы, үлкен аумақ және тиімді геосаяси ұстаным Қазақстанды көші-қон ағындарын тартудың біріне айналды.

Тірек сөздер: отандастар, мәдениет, білім беру, құндылықтар, ұлттық қызығушылық, көші-қон процесі.

СПОСОБЫ ДОСТУПА МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ОРАЛМАНОВ В СОВРЕМЕННУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ КАЗАХСТАНА

Тубаева Н.¹

¹Магистрант 1 курса,
Специальность: Международные отношения
КазУМОиМЯ им. Абылай хана
Алматы, Казахстан

Глобализация экономики и неравномерность социально-экономического развития стран привели к тому, что миграция населения приобрела в современном мире беспрецедентное значение. Активным участником мировых миграционных процессов за годы независимости стала и Республика Казахстан. Социально-экономическая стабильность, устойчивый экономический рост и повышение уровня жизни, отсутствие межнациональных конфликтов, большая территория и выгодное геополитическое положение превратили Казахстан в один из центров притяжения миграционных потоков.

Ключевые слова: соотечественники, культура, образование, ценности, национальные интересы, миграция.

Статья поступила 10.08.2017

2 БӨЛІМ
ДУНИЕЖУЗІЛІК ЭКОНОМИКА, ФИЛОСОФИЯ, ҚҰҚЫҚ

РАЗДЕЛ 2
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ФИЛОСОФИЯ, ПРАВО

2 PART
GLOBAL ECONOMY, PHILOSOPHY, LAW

**INTERNATIONAL AND INTERSTATE REGULATION OF INTERNATIONAL
INVESTMENTS**

**THE PARADIGMS OF MODERN HIGHER EDUCATION
THROUGH THE PRISM OF PHILOSOPHICAL METHODOLOGY**

Ashilova M.S.¹, Begalinova K.K.²

¹Candidate of Philosophical Sciences, PhD chair of the World Communication
Kazakh Abylai Khan UIRandWL, Almaty, Kazakhstan, alibek557@inboxs.ru

²Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Religious Studies and
Cultural Studies, al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan
kalima910@mail.ru

The article reveals the features of modern higher education, experiencing a paradigm shift. This education should ensure the social competence of the individual and the achievement of her life success. This requires the use of interactive methods of organizing the learning process. The authors analyze innovative interactive methods, fundamentalization, and humanitarization of the educational process. It is shown that the system of higher education should be based on philosophical methodology.

Keywords: higher education, education paradigms, philosophical methodology, fundamentalization, humanization, ecologization, interactive methods.

УДК 316.3

МРНТИ 02.31

**ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ**

Ашилова М.С.¹, Бегалинова К.К.²

¹к.филос.н., доктор PhD,
преподаватель кафедры мировой коммуникации
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
alibek557@inboxs.ru

²д.филос.н., профессор кафедры религиоведения и культурологии
КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
kalima910@mail.ru

В статье раскрываются особенности современного высшего образования, переживающего смену парадигм. Это образование должно обеспечить социальную компетентность личности и достижение ею жизненного успеха. Для этого

необходимо применение интерактивных методов организации учебного процесса. Авторы анализируют инновационные интерактивные методы, фундаментализацию, гуманитаризацию образовательного процесса. Показывается, что система высшего образования должна опираться и на философскую методологию.

Ключевые слова: высшее образование, парадигмы образования, философская методология, фундаментализация, гуманизация, экологизация, интерактивные методы.

Высшее образование на современном этапе переживает интенсивную смену парадигм, связанную с особенностями информационного, интернет-компьютерного развития, приводящего к гигантскому и всевозрастающему объему знаний. В этих условиях механическое наращивание знаний выступает непродуктивной деятельностью, поскольку усвоить, запомнить необходимые знания в условиях лавинообразной информации практически невозможно. И перед учащейся молодежью, понимающей, что важнейшей ее потребностью является способность к самообразованию, самообучению, встает проблема экономного отбора знаний, умений, навыков, методик, инновационных технологий для своей будущей специальности. Это существенно меняет облик университета и со всей остротой ставит вопрос о необходимости качественно новой профессиональной подготовки специалистов, призванных работать в динамически изменяющихся условиях XXI века нового III тысячелетия. В этой связи на систему высшего образования возлагается особая роль – готовить высокообразованных, конкурентоспособных специалистов, обладающих огромнейшим набором разнообразных компетенций, знаний, умений, навыков. И статус высшего образования год от года будет все увеличиваться, поскольку в обществе происходят метаморфозы власти, в результате которых «и сила, и богатство стали поразительно зависеть от знания» (Э. Тоффлер).

Традиционное образование рассматривало студента либо как сосуд, которого надо заполнить знанием, либо как факел, который надо зажечь. И процесс обучения рассматривался как перекладывание готовых знаний из одной головы (преподавателя) в другую (студента), т. е. как процесс передачи информации. Сегодня эта модель в должной степени не работает, поскольку образование должно формировать личность думающую, творческую, на первый план должна выдвигаться проблема «как учить», а не «чему учить», как было прежде. Об этом говорилось еще в конце XX столетия, в 1998 году во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века, принятой на Всемирной конференции ЮНЕСКО в Париже. «Высшие учебные заведения должны обеспечить такое образование учащихся,

которое воспитывает в них хорошо информированных и глубоко мотивированных граждан, способных к критическому мышлению, анализу общественной проблематики, поиску и использованию решений проблем, стоящих перед обществом, а также к тому, чтобы брать на себя социальную ответственность».

По современным представлениям, формирование широко образованной личности требует решения нескольких задач. Во-первых, необходимо гармонизировать отношения человека с природой через знакомство с современной естественнонаучной картиной мира, проблемами биосферы и Вселенной в целом, уяснить место человека в природе и на этой основе решить проблемы экологии и более широко – ноосферы.

Во-вторых, нужно исходить из того, что человек живет в обществе, и для его гармонической социализации необходимо погружение в соответствующую культурную среду через освоение истории, права, культурологии, экономики, философии.

В-третьих, современный человек живет в условиях насыщенной информационной среды, и задача системы образования – научить его жить в её потоке, создать предпосылки и условия для непрерывного самообразования.

Наконец, в-четвертых, личность должна находиться в согласии сама с собой, что требует определенных знаний в области психологии, в сфере литературы и искусства.

Высшее образование, исходя из обозначенных задач, должно быть направлено на развитие у студентов таких социально-коммуникативных качеств, как умение учиться, критически анализировать и ранжировать информацию, чтоб быть успешно интегрированным в социум. Эти качества должны обеспечить социальную компетентность личности и достижение ею жизненного успеха. Для этого необходимо применение интерактивных методов организации учебного процесса, что будет в определенной степени знаменовать собой смену университетской образовательной парадигмы.

Необходимость решения, как глобальных проблем человечества, так и обеспечения насущных потребностей личности приводит нас к идее фундаментализации образования. Встает вопрос – что должно составить основу этой фундаментализации? Очевидно, фундаментальные научные знания. Фундаментальность в науке и фундаментальность в образовании – в этих понятиях есть как общее, так и различное. Соотношение между ними в истории менялось. Впервые отчетливо концепция фундаментального образования была сформулирована Гумбольдом в начале XIX века. В ней подразумевалось,

что предметом такого образования должны быть те фундаментальные знания, которые именно сегодня открывает наука на своем передовом крае. Более того, предполагалось, что образование должно быть непосредственно встроено в научные исследования. В последующие сто с лишним лет этот идеал образования был реализован в лучших университетах мира. Однако с течением времени разрыв между идеальной моделью и реальностью становится все более ощутимым. Гигантский и всевозрастающий объем знаний привел к необходимости их адекватного структурирования и отображения в учебных дисциплинах, что в итоге превратило фундаментальное образование в самостоятельную и важнейшую область интеллектуальной деятельности человека. «Болонский процесс предстаёт в трёх ипостасях. Во-первых, это процесс, начало которому было положено подписанием министрами образования ряда европейских государств декларации по интеграции европейских университетов, по созданию архитектуры университетского образования... Официальное начало и место старта данного процесса – 1998 г., Сорбонна. Во-вторых, Болонский процесс имеет гораздо более длительную историю – почти восемьсот пятьдесят лет. 1158 г. признан годом основания Болонского университета. Именно тогда было положено начало университетскому образованию. Этот процесс универсализации человеческой культуры, всей цивилизации продолжается и приобретает на каждом витке человеческой истории новые очертания. В-третьих, Болонский процесс уже стал идеологемой, парадигмой, предметом дискуссий не только о тенденциях развития и интеграции образования, но и об особом видении процессов глобализации. Для научной рефлексии реальной практики и выработки оптимальных принципов, организационных механизмов интеграции необходимо понять суть Болонского процесса, осознать его как современный общественный феномен в соотношении с ценностями, принимаемыми современным человечеством» [1, с.27].

Новые реалии современного мира как глобализация, универсализация и унификация современной цивилизации породили множество противоречий в области образования. Главное из них это стремление сохранить национальные системы образования и вместе с тем обеспечить плавное, полноценное вхождение в мировую систему образования. Только в этом случае произойдет, во-первых, преемственность поколений в передаче уникального этнокультурного наследия, во-вторых, будет сохранена и получит новый импульс национальная идентичность, в-третьих, будет разработано содержание национальной компоненты образования. «Проблемы образования связаны не с потребностью в специалистах-профессионалах, а с

переходом к другой культурной парадигме, с формированием человека с комплексным мышлением, культурой, нравственностью, учитывающей национально-культурные традиции, социально-исторический опыт. Проблемы образования связаны с целью, её достижение – реалии сегодняшней действительности» [2, с.15].

Современные социодуховные реалии убедительно диктуют необходимость нового подхода к осмыслению проблемы преемственности, взаимоотношения Востока и Запада. Не случайно, в наше время обретает силу и мощь компаративистская философия, которая претендует на роль общепланетарного мировоззрения, в котором реализован принцип исторической правды и объективности. По-новому анализируется связь рационального и традиционного как двух форм легитимации. «Время, когда доминировала традиция, давно миновала. И эпоха доминирования инновации, то есть эпоха модернизма, подходит к концу. Возникают мотивы открытия инновации внутри традиции. Сегодняшнее новое не превосходит вчерашнее новое, оно не идет дальше, быстрее, сильнее в том же направлении, но от этого оно не становится менее новым, поскольку современность теперь означает то, что происходило раньше. Когда культура современная и культура традиционная приходят в столкновение, современная культура провоцирует традиционную к восстановлению идентичности посредством изобретения более или менее удачного синтеза» [3, с.32].

Не менее важной проблемой современного образования является гуманизация и гуманитаризация, что обусловлено господством технократизма как образа жизни, отрицательно сказавшимся на системе обучения и воспитания, поскольку породил технизм как доминанту в подготовке специалистов. Это в определённой степени отрицательно сказалось на духовности общества, способствовало росту бездуховности. В 1994 году был принят закон о гуманитаризации и гуманизации образования в Республике Казахстан. Это замечательный по содержанию документ, который, к сожалению, так и остался документом. Правда, в «Комплексной программе воспитания в организациях Республики Казахстан» Министерства образования и науки эта тенденция нашла своё выражение. Однако до сих пор проблема гуманизации и гуманитаризации остаётся актуальной проблемой высшего образования. Только гуманный человек, очеловеченная техника способна изменить общество, снять его бездуховность. По мнению ЮНЕСКО, ведущей наукой начала XXI века является психология, следовательно, насущной потребностью становится наука о душе человека, о его самосознании и самоуправлении. Это очень симптоматично, что акцент сделан на душу человека, а не на интеллект,

хотя многие студенты, согласно данным социологии, предпочтение отдают уму, интеллекту. Именно через душу человека проходит гуманизация общества. «Сегодня, в эпоху демократии, государством управляют обычные граждане, с самыми различными призваниями. Поэтому демократическое общество не достигнет успеха до тех пор, пока общее образование не даст людям философского мировоззрения». Действительно, особую роль в процессе духовного развития личности должно играть содержание образования, особенно гуманитарного, которое способствует формированию общекультурной компетентности учащихся, их мировоззренческой позиции [4, с.44]. «Не владение знаниями есть образование, а усвоение духовных содержаний... Знание как таковое не есть образование. Голые знания... остаются для человека лишь внешним грузом. Но образование является наполнением души образами величия, с помощью созерцания глубины картин» [5]. Образование сегодня выступает и как самообразование.

Сегодня необходимо вести речь о новом этапе такой гуманизации, что обусловлено обострением глобальных проблем современной цивилизации: проблема международного терроризма, приобретшего сегодня острый мировоззренческо-методологический характер, современная экологическая ситуация, выдвигание на передний план такой важной проблемы как антропологическая, чрезмерная технизация общества, грозящая перерасти в антигуманную парадигму социального развития. Все эти и другие факторы требуют по-новому оценить роль гуманитарных дисциплин, обратить внимание на инновационные методы и приёмы их преподавания, да и в целом на вопросы воспитания и обучения подрастающего поколения. Дело в том, что гуманизация и гуманитаризация, к сожалению, нередко сводилась к формальному провозглашению данной парадигмы. Можно слышать такие аргументы, как «не стоит так много об этом говорить», «это уже набило оскомину», «как можно вести речь о гуманитаризации, если нет материально-технической базы для проведения подобной работы» и т.д. Но сама наша реальность планетарного масштаба отменяет подобного рода аргументы, требует вновь заострить внимание на этой проблеме, поскольку медленно, но необратимо надвигается дегуманизация общества. Создание человека-робота, клонирование людей просто решает проблему человека. Мы можем очень легко разрешать все сложные глобальные вопросы, если будем иметь дело вот с таким материалом: запрограммированными людьми, «зомбированным», «манкуртированным» человечеством. Особенно остро эта проблема встаёт в связи с международным терроризмом. Мы недостаточно уделяли внимание вопросам религиозного воспитания.

У нас существует некоторая эйфория по поводу гуманной роли религии, т.е. мы считаем, что всегда и во всех отношениях религиозное воспитание изначально гуманно, нам не хватает конкретного знания о состоянии дел в этой сфере. Во всяком случае, в вузах эта работа ведётся спорадически, нет целостной программы по воспитательной работе через религию. Все обозначенные выше обстоятельства на наш взгляд убедительно свидетельствуют о том, что необходимо кардинально изменить роль и место социально-гуманитарных наук в системе вузовского образования и воспитания. Речь идёт о том, чтобы гуманизация и гуманитаризация имела не формальный, а реальный, действенный характер. «Глубинное и поразительное по своим следствиям развёртывание потенциала техники оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Меняется не только содержание труда, резко, в десятки раз возрастает его производительность. Существенные преобразования происходят во всём строе культуры и современной цивилизации... Стремительное возвышение техники как фактора социальных преобразований актуализирует сложный спектр мировоззренческих вопросов. Что такое техника? Каковы формы и пределы её воздействия на человеческое бытие? В чём проявляется общественная обусловленность техники? Является ли она благом для человечества или таит в себе непредвиденные роковые предопределения?» [6, с.157]. «Новейшая информационная техника позволяет не только подключиться к каждому, но и выключить каждого из процессов жизни, деятельности и мышления. Проникновение во всё общество и жизнь каждого, власть над физическим и психическим совершенно очевидны. Компьютеризация приводит к тому, что досуг, личная жизнь, мышление, поведение, настроение и все человеческие проявления оказываются жестоко и принудительно нормированными» [7, с. 64-65].

Таким образом, изменившаяся духовная ситуация начала III тысячелетия ориентирует образование вообще, высшее в частности, на новую методологию. Универсальная логика как Супердиалектика, вытекающая из целостного мировоззрения, и выступает всеобщей методологией современного высшего образования. А это означает – рассматривать человека и мир в гармонии, единстве, самого человека понимать как целое и целостное существо, сочетающее в себе духовное и материальное, общее и единичное, интеллектуальное и нравственное, личностное и космическое. Такое сочетание формируется через систему образования и воспитания, включающей в себя обучение, построенное на принципах гуманизации и гуманитаризации, на принципах субъект-объектного отношения между преподавателем

и студентом, на принципах активности ученика и педагога, на нравственных принципах межличностных отношений между ними.

Эта новая методология диктует новые методы обучения, новые образовательные технологии. Прежде всего, речь идёт о том, что эти технологии возникают на основе интеграции достижений фундаментальных и прикладных наук. Доминантой таких достижений выступает информатика, создание единой информационной системы, появление интернета, что даёт возможность использовать новейшие методы и методики в обучении, способствующие коммуникации людей, ориентирующие будущих специалистов на целостное понимание мира и человека, на восприятие человека в гармонии с человечеством, космосом в целом.

Инновационные методы обучения в высшей школе основаны на пробуждении активности студентов, заинтересованности в изучаемом предмете. Уже нормой стали такие формы занятий как «деловая игра», «мозговая атака», «студент-руководитель семинара» и другие. Интерактивные методы обучения, которые сегодня внедряются в высшее образование, способствуют его перестройке на основе активизации студенческой группы. Все эти новые технологии как раз и базируются на понимании педагога и студента как личностей, делают обучение более либеральным, способствуют отказу от жёсткой регламентации, авторитарности в отношениях между объектом и субъектом обучения. Сегодня требуется, чтобы студент выступал активным субъектом познавательного процесса. Немаловажную роль в решении этой задачи играют названными нами выше интерактивные методы обучения. Их смысл сводится к взаимодействию между преподавателем и студентом, к активному действию самого студента, который превращается в активного субъекта познавательного процесса. Он не только сам познаёт определённый учебный материал, но и выступает в роли донора и реципиента этого знания. Надо учитывать и то, что современный студент не склонен получать знания за пределами самого учебного процесса. Таким образом, страдает сегодня самостоятельная работа студента в силу целого ряда причин, в том числе и планетарного. В наших условиях это связано с недостаточным количеством учебников, с созданиями необходимого количества учебников нового поколения. Это связано и с компьютеризацией преподавания. Всё это заставляет педагогов по-новому строить практические и семинарские занятия. И вот здесь-то студент должен быть особенно активным, максимально активным. Это требует от преподавателя иного отношения к подготовке семинарских занятий. Семинар ни в коем случае не должен выступать простым продолжением

лекционных занятий, когда студент копирует полученный материал на лекциях. Преподаватель должен подготовить такой методический и теоретический материал к семинарскому занятию, который позволит студенту использовать его для собственного активного усвоения его. Например, когда преподаватель по психологии на семинарские занятия выносит многообразные концепции в психологии XX века, то он готовит этот материал по этим концепциям. Студент на семинарском занятии в отведённое ему время активно, целенаправленно... усваивает многообразные точки зрения по предмету и сущности психологии. Он это знание должен пропустить через себя и затем передать на уровне понимания и осознания данный материал всей группе. Следовательно, интерактивные методы выступают в роли деловой игры, студент – руководитель семинара, мозговая атака и др.

Ещё на рубеже XIX и XX веков Дж. Дьюи высказал мысль, что образование должно формироваться на реальном опыте, который позволяет человеку быть успешным. Именно опыт, а не абстрактные, оторванные от реальной жизни знания [8, с.10-12]. В конце XX века Р. Бар и Дж. Тагг выдвинули «новую парадигму высшего образования», в основе которой лежит активное сотрудничество, в результате которого студент приобретает знания, а преподаватель – мастерство [9, р.13-25]. Высшее образование в XXI веке должно основываться на таких взаимоотношениях между субъектом и объектом, преподавателем и студентом, которые будут способствовать установлению диалога между ними, формированию будущего специалиста в качестве личности, ответственной за себя и за всё общество в целом.

Таким образом, современная система образования, переживая небывалый ранее духовный и антропологический кризис, тем не менее начинает возрождаться. Идет процесс становления единой образовательной системы, формируется новый идеал образованного интеллигентного человека-профессионала, который «во-первых, явится высококвалифицированным специалистом широкого профиля на основе изучения фундаментальных, пограничных и специальных дисциплин; во-вторых, воплотит в себе тип отношения к человеку (обществу) как к цели, а не как к средству; и в-третьих, осознает свое отношение к природе на уровне сформированного экологического сознания» [10, с.38]. Эти три основные составляющие нового образованного человека позволят выделить и три основные парадигмы новой образовательной системы: фундаментализацию, гуманизацию и экологизацию [11].

ЛИТЕРАТУРА

1 Нечаев В.О. Параметры глобализма и факторы Болонского процесса // Вестник

Московского университета. – 2004. - № 4. – С.27-34.

2 Бейсенова Г.А. Образование в контексте социально-философских проблем. – Алматы, 1999. – 56 с.

3 Карабаева А.Г. Власть и разум // Евразия. – 2001. - № 3-4. – С. 32-39.

4 Ежова Т.В. Формирование общекультурной компетентности студентов в образовательном процессе вуза: дисс.....канд. пед. наук. - Оренбург, 2003. - 185 с.

5 Ясперс К. Духовная ситуация времени. - Москва: Практика, 1997. - 321 с.

6 Гуревич П.С. Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. – 453 с.

7 Ракитов А.Н. Информатизация: состояние, структура, перспективы.// Перспективы информатизации общества. - М., 1990. - С.40-65.

8 Дьюи Дж. Демократия и образование. - М.: Педагогика-Пресс, 2000. –382 с.

9 Bar R.V. From teaching to learning. A new paradigm for undergraduate education // Change. – 1995. – November-December. - P.13-25.

10 Щелкунов М.Д. Образование в человеческом измерении (философские очерки). - Казань: Изд-во Казанского гос. университета, 2007. – 148 с.

11 Бегалинова К.К., Ашилова М.С. Предмет философии и науки: сущность, современное звучание//Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия МО и Регионоведения. - №4(26). – 2016. – С.161-168.

ЖОҒАРЫ БІЛІМ БЕРУ ПАРАДИМАСЫ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ МЕТОДОЛОГИЯЛЫҚ ПРИНЦИПТЕРІ АРҚЫЛЫ

Ашилова М.С.¹, Бегалинова К.К.²

¹филос.ғ.к., PhD докторы, оқытушы,

Дүниежүзілік коммуникация кафедрасы,

Абылай хан атындағы КазХК және ӘТУ,

Алматы, Қазақстан, E-mail: alibek557@inboxs.ru

²филос.ғ.д., дінтану және мәдениеттану кафедрасының профессоры

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан

E-mail: kalima910@mail.ru

Бұл мақалада қазіргі заманғы жоғары білімнің ерекшеліктері, парадигмалық ауысым жағдайлар қарастырылады. Бұл білім жеке тұлғаның әлеуметтік құзыреттілігін және оның өмірлік табысқа жетуін қамтамасыз етуі керек. Бұл оқу үрдісін ұйымдастырудың интерактивті әдістерін пайдалануды талап етеді. Авторлар инновациялық интерактивті әдістерді, фундаментализацияны, оқу үдерісін гуманизациялауды талдайды. Жоғары білім беру жүйесі философиялық әдіснамаға негізделген болуы керек.

Тірек сөздер: жоғары білім, білім парадигмалары, философиялық әдіснама, фундаментализация, гуманизация, экологизация, интерактивті әдістер.

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және АЙМАҚТАНУ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN
of Ablai Khan KazUIRandWL
series «INTERNATIONAL RELATIONS and REGIONAL STUDIES»

3 (29) 2017
ISSN 2411-8753

Отв. за выпуск тиража
Директор издательства: *Есенғалиева Б.А.*

Технический редактор,
компьютерная верстка: *Кынырбеков Б.С.*

Подписано в печать 21.11.2017 г.
Гарнитура “Times New Roman, MS Minsho”
Формат 70x90 1/8. Объем 14,25 п.л. Заказ № 444. Тираж 300 экз.
Отпечатано в издательстве “Полилингва”
при КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Издательство “Полилингва” КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru

